

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

На правах рукописи
УДК 94.002.3 (575.1/510)

КАРИМОВА НАТАЛЬЯ ЭРМАНОВНА

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И
КИТАЯ В XIV–XVII вв.**
(по материалам китайских источников)

Специальности: 07.00.03. – Всеобщая история;
07.00.09. – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ташкент - 2006

Работа выполнена в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан

- Научный консультант - доктор исторических наук
Ходжаев Аблат
- Официальные оппоненты: - доктор исторических наук
Исхаков Мирсадик Мирсултанович;
- доктор исторических наук
Кадыров Рахимжон Кадырович;
- доктор исторических наук
Камолитдин Шамсиддин Сирожиддин ўғли
- Ведущая организация - **Институт истории АН Республики Узбекистан**

Защита состоится “ ____ ” _____ 2006 г. в ____ час. на заседании Специализированного совета Д 015.14.01 по историческим наукам при Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан (700170, г.Ташкент, ул. акад. Х. Абдуллаева, 81).

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Академии наук Республики Узбекистан (700170, г. Ташкент, ул. акад. И. Муминова, 13).

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2006 г.

Ученый секретарь
Специализированного Совета

д.и.н. **С.У. Каримова**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность работы. Своеобразие исторического прошлого центральноазиатского региона, история взаимоотношений народов Центральной Азии¹ и Китая, а также важность для всемирной истории процессов, происходивших здесь, предопределяют повышенный интерес к ним исследователей. Регион на протяжении тысячелетий являлся зоной контактов между оседлыми народами юга и кочевниками севера. На огромной территории зарождались многочисленные государственные образования. Центральную Азию можно назвать колыбелью многих современных народов, расселившихся впоследствии на обширных пространствах Евразии.

Через земли Центральной Азии пролегли оживленные дипломатические, торговые и миграционные пути, связывавшие различные страны и народы. Как отмечает Президент Узбекистана И.А. Каримов, “через территорию нынешнего Узбекистана пролегал Великий шелковый путь – живительная артерия международного общения: экономического обмена, движения ремёсел, науки и искусства”², и далее подчеркивает, что “историческая артерия жизни народов Турана – Великий шелковый путь, по которому всегда шли навстречу друг другу караваны, – должна быть возрождена”³.

Связи Китая с народами Центральной Азии прослеживаются с древности. Действительно, “именно наша земля была испокон веков связующим мостом между Востоком и Западом, Югом и Севером”⁴. В настоящее время все более усиливается значение Центральной Азии, как связующего звена во взаимоотношениях Китая, государств Восточной Азии и европейских стран.

Стремительное вхождение Китая в мировое сообщество усиливает его влияние на геополитическую ситуацию в мире, в частности, в центрально-азиатском регионе. Изучение взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии в период позднего средневековья дает возможность проследить и глубже понять многие аспекты внутренней и внешней политики современного Китая. Успехи экономической реформы в Китае, распад Советского Союза, образование пятнадцати независимых государств требуют нового осмысления истории этих взаимоотношений.

¹ Термин “Центральная Азия” мы используем в настоящей работе в широком смысле, включая в него Туркестан (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан), СУАР КНР (в западной научной литературе – Восточный Туркестан), Тибет и Монголию (подр. см.: Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. – Т.: Фан, 2004. С. 4-5).

² Каримов И.А. Речь на церемонии открытия здания посольства Республики Узбекистан в США и на приеме от имени посольства // Мыслить и работать по-новому – требование времени. Собр. сочинений. Т.5. – Т.: Ўзбекистон, 1997. С. 18.

³ Каримов И.А. Солнце дружбы нашей светит из глубин тысячелетий // Родина священна для каждого. Собр. сочинений. Т.3. – Т.: Ўзбекистон, 1996. С. 98.

⁴ Каримов И.А. Речь на церемонии открытия здания посольства Республики Узбекистан в США... Т.5. С. 18.

В большей части современных исследований рассматриваются взаимоотношения КНР и Центральной Азии за последние десять – пятнадцать лет, при этом из поля зрения исследователей выпадают многие моменты, связанные с многовековой историей их развития. Комплексное изучение этих взаимоотношений в исторической ретроспективе показывает, что наиболее стабильный период центральноазиатско-китайских взаимоотношений приходится на время, когда в Китае существовала империя Мин (1368-1644 гг.), а в Центральной Азии – империя Амира Темура и Темуридов. Поэтому при анализе современных узбекистано-китайских отношений, а тем более при определении и разработке векторов внешнеполитической стратегии на современном этапе, следует знать историю развития взаимоотношений между Китаем и Центральной Азией. Практика международных отношений показывает, что определенные коренные моменты центральноазиатско-китайских отношений повторялись и, возможно, будут повторяться в будущем. Китаю всегда был присущ традиционализм, и, говоря о современном Китае, мы должны помнить об этом. В связи с этим можно говорить об актуальности настоящего исследования не только в академическом, но и в практическом и политическом плане.

В Китае издавна существовала традиция изучения истории отношений с центральноазиатскими странами. Вообще, в Китае, все, что касалось границ с непосредственными соседями (а границы с Центральной Азией, в частности, с Восточным Туркестаном⁵, всегда являлись одними из самых важных), тщательно фиксировалось и включалось в династийные хроники, приобретая, тем самым, статус исторического документа. Китайские исторические труды, официальные и неофициальные хроники и энциклопедии, а также географические описания всегда включали сведения о соседних народах и странах. В этом контексте систематизация накопленного опыта позволяет выстроить своё отношение к поставленным в работе вопросам, высветить неиспользованные возможности и подтвердить значение для истории Узбекистана сведений китайских письменных источников, исследование которых дает возможность дополнить общую картину исторических событий в Центральной Азии изучаемого периода.

Большое значение имеют материалы китайских письменных источников и при исследовании этнической истории народов центральноазиатского региона. В китайских письменных источниках особое внимание уделялось вопросам расселения народов и отдельных племен в тот или иной отрезок времени, на направление их движений не только в рамках данного района, но и за его пределами, подвергались тщательному анализу топонимы и этнонимы, зачастую сохранившиеся только в китайской транскрипции.

⁵ В древности и средневековье в понятие “Восточный Туркестан” входила вся территория нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (см.: Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. – Т.: Фан, 1991. С. 3).

Географические данные, встречающиеся в исторических сочинениях древних китайских авторов, имеют несомненную ценность, так как они позволяют не только составить карту изучаемого района, но и получить исходные данные для уточнения взаимосвязей народов и племен, выяснить их этническую принадлежность. Помимо прочего, в них приводятся статистические данные, сведения экономического характера, информация об обычаях и традициях народов. Вышеизложенное определяет актуальность исследуемой темы в научно-теоретическом и прикладном плане.

В работе исследуется большой круг китайских письменных источников, освещающих историческую обстановку в регионах Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. Помимо этого, привлечены и изучены материалы китайских источников по истории Великого Шелкового пути и торгово-посольских связей между народами Центральной Азии и Китая, приведены свидетельства китайских дипломатов и путешественников по исторической географии государств Центральной Азии, этнической истории народов Центральной Азии и другим вопросам.

Введение в научный оборот малоизвестных, зачастую, малодоступных для отечественных исследователей материалов, критический анализ уже имеющихся публикаций по теме, позволяют по-новому взглянуть на многие вопросы взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии в период позднего средневековья. В свете новых современных реалий особо важной становится задача “анализа исследований наших и зарубежных ученых, посвященных истории народа, начиная с древних времен по настоящее время”⁶. Важность проведения источниковедческого и историографического исследования обусловлена необходимостью поиска новой информации и уточнения ряда данных по истории центральноазиатских народов.

Актуальность проблемы обуславливается и требованием современности, когда “основной задачей становится научная объективность и непредвзятость исторического анализа”⁷. Кардинальное изменение мировых реалий в конце XX века, становление новой системы международных отношений требуют всестороннего изучения истории нашего центральноазиатского региона для выявления перспектив развития взаимоотношений с различными государствами, что также определяет актуальность, научную и практическую значимость настоящей диссертации.

Степень изученности проблемы. Взаимоотношения с соседними народами в эпоху позднего средневековья занимают важное место в китайской историографии. Диссертантом были изучены все доступные материалы китайских исследователей по истории взаимоотношений Китая и Центральной

⁶ Постановление Кабинета Министров РУ о совершенствовании деятельности Института истории АН РУ // Народное слово. 1998, 28 июля.

⁷ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. Собр. сочинений. Т.6. – Т.: Узбекистон, 1998. С. 118.

Азии. В первую очередь, это сводные труды китайских историков⁸, в которых рассматриваются различные аспекты политической и культурной жизни народов Восточного Туркестана. Большую помощь в осмыслении топографии исследуемых регионов оказали научные выводы, приведенные в монографическом исследовании известного китайского историка Су Бэйхай⁹, объектом которого стала историческая география центральноазиатского региона. Среди других китайских авторов следует отметить Ма Шоуцяня¹⁰, Хэ Яня¹¹, Вэнь Ина¹², в трудах которых рассматриваются отдельные аспекты взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии.

Следует подчеркнуть, что вышеперечисленные исследования китайских авторов характеризуются общепринятой в китайской историографии тенденциозностью, особенно проявляющейся в вопросах завоевания Восточного Туркестана (как пишут китайские историки “объединения земель”). Тем не менее, все без исключения работы представляют определенный интерес, т.к. содержат извлечения из многих недоступных для нас китайских источников, знакомят с исследованиями китайской историографической школы.

В России изучением истории развития отношений с Китаем активно стали заниматься, как отмечает А.Д. Воскресенский, лишь в 70-х гг. XX века, когда возникла устойчивая научная школа исследований по этому направлению¹³. Однако следует заметить, что исследования советского периода носили, в определенной степени, тенденциозный характер, что было связано с политической и идеологической конъюнктурой. Среди фундаментальных исследований российских авторов отметим монографию О.В. Зотова¹⁴, посвященную исследованию межгосударственных отношений Китая с восточно-туркестанскими оазисами. Большой интерес представляют выводы и обобщения, содержащиеся в трудах А.А. Бокшанина¹⁵. Первые описания Восточного Туркестана географического характера были даны русскими исследователями – путешественниками XX в. Г.Г. Пржевальским, Г.Е. Грум-Гржимайло,

⁸ Вэйуэр яньцзю. (Исследования об уйгурах). – Бэйцзин, 1988. – 586 с.; Чжунго гудай миньцзу гуанси ши яньцзю. (Из истории международных связей древнего Китая). – Фучжоу, 1989. – 375 с.; и др.

⁹ Су Бэйхай. Сиюй лиши дили. (Историческая география Западного края). – Урумчи, 1988. – 396 с.

¹⁰ Ма Шоуцянь. Миндай Хами дифанды халахуэй. (Кумульские каракой эпохи Мин) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Урумчи). – 1983. – № 2. – С. 116-118.

¹¹ Хэ Янь. Миндай Сиюй юй Чжуньюаньды тунгун маои. (О взаимной торговле Китая с Западными странами в эпоху Мин) // Синьцзян лиши яньцзю. (Урумчи). – 1986. – № 2. – С. 42-50.

¹² Вэнь Ин. Чэнь Чэн шичжунды Сиюй Минчэн. (Города Западных стран эпохи Мин в стихах Чэнь Чэна) // Синьцзян лиши яньцзю. – 1987. – № 2. – С. 80-87.

¹³ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 33-34.

¹⁴ Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв. Межгосударственные отношения. – М.: Наука, 1991. – 169 с.

¹⁵ Бокшанин А.А. Императорский Китай в начале XV в. – М.: Наука, 1976. – 323 с.; его же: Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв. – М.: Наука, 1968. – 212 с.; его же: Удельная система в позднесредневековом Китае. – М.: Наука, 1986. – 262 с.; и др.

В.А. Обручевым и др.¹⁶. Первым из российских востоковедов, кто в своих трудах приводит сведения китайских источников по истории Центральной Азии, был Н.Я. Бичурин¹⁷.

В работе К.Ш. Хафизовой “Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.)”¹⁸ показаны формирование и развитие дипломатических институтов и влияние на них различных факторов китайской культуры. Автор фрагментарно исследует межгосударственные отношения Китая и центральноазиатских государств, акцентируя свое внимание на цинском периоде.

Вопросы взаимоотношения Китая и государств Центральной Азии привлекали внимание и ряда отечественных историков-востоковедов. Ранние периоды истории Восточного Туркестана были предметом исследования М.Кутлукова¹⁹, который рассматривал вопросы монгольского господства в Восточном Туркестане (XII–XIV вв.). Изучению связей Китая с империей Амира Темура и Темуридов посвящен ряд трудов О.Б. Буриева²⁰, объектом которых стали торгово-посольские связи Китая и государств Средней Азии. Многие исследования известного ученого-востоковеда А. Ходжаева посвящены более позднему (XVII–XIX вв.) периоду истории Восточного Туркестана. Несмотря на то, что хронологически вышеназванные работы выходят за пределы периода, рассматриваемого в настоящей диссертации, ознакомление с ними было чрезвычайно полезно для более полного и всестороннего понимания исторических процессов, происходивших в этом регионе, тем более, что в последнее время А. Ходжаев значительно расширил тематику и хронологические рамки своих изысканий, чем вызывает заслуженный интерес исследователей к своим работам²¹.

¹⁶ Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. – М.: Гос. Издательство географической литературы, 1947. – 154 с.; Грум-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэйшаня в связи с историей Средней Азии. – С-Пб., 1898; его же: Описание путешествия в Западный Китай. – М.: Гос. Издательство географической литературы, 1948. – 648 с.; и др.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. В 3-х т. – Чебоксары, 1960; его же: Статистическое описание Китайской империи. В 2-х ч. – М.: Восточный Дом, 2002. – 464 с.

¹⁸ Хафизова К. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX в.). – Алматы: Гылым, 1995. – 257 с.

¹⁹ Кутлуков М. К истории экономических, политических и культурных связей народов Средней Азии и Китая // Научные работы и сообщения АН УзССР. – Т.: Издательство АН УзССР, 1961. Т.4. С. 340-351; его же: Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. – М.: Наука, 1979. С. 84-106; и др.

²⁰ Буриев О.Б. Сведения Хафиз-и Абру о взаимоотношениях Средней Азии с Китаем в XIV в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XIV–XVI вв. – Т.: Фан, 1987. С. 24-37; в соавт. с А.Колгановым: Об одном участке Великого шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. – Т.: Фан, 1990. С. 106-116; и др.

²¹ Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в.; его же: Китайский фактор в Центральной Азии и др.

Если говорить о западной традиции китаеведения, то здесь следует, прежде всего, сказать о разработках М. Россابي (M. Rossabi)²², Дж. Фэйрбэнка (J.K. Fairbank)²³, Х. Серрэйса (H. Serruys)²⁴ и др., посвященных некоторым аспектам взаимоотношений минского Китая с народами Центральной Азии, а также ряда других современных западных исследователей²⁵.

Как видим, вопросам центральноазиатско-китайских взаимоотношений посвящены десятки работ различной значимости, но в них, в целом, предлагается лишь частичное разъяснение отдельных проблем этих отношений, существовавших в период позднего средневековья. При всем множестве публикаций, рассматривающих те или иные аспекты этих взаимоотношений, в отечественной историографии до сих пор нет, практически, ни одного труда, посвященного комплексному анализу данных китайских письменных источников в контексте исследования истории взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии в XIV–XVII вв.

(Степень изученности вышеозначенной проблемы подробно рассмотрена в 1-ой главе диссертации).

Связь диссертационной работы с тематическими планами НИР.

Диссертационная работа входит в план НИР Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУ в рамках проблемы “Средняя Азия и Зарубежный Восток (проблемы современности и исторические связи)”. (Регистрационный номер – ГНТП-4.10: 2003-2005; УДК. 94.001.5 (575/5-022).

Источники исследования. Исследование построено на базе китайских источников, из которых наибольший интерес представляют династийные хроники: “Мин ши”²⁶ (“История династии Мин”), “Мин шилу” (“Правдивые записи о правлении императоров Мин”); сборники китайских исторических материалов: “Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи”²⁷ (“Избранные материалы по истории Синьцзяна”), “Вэйуэрцзу шиляо цзяньбянь”²⁸ (“Извлечения из исторических материалов по истории уйгуров”), “Лидай гэцзу чжу-

²² Rossabi M. China and Inner Asia, from 1368 to the Present Day. – London: Thames and Hudson, 1975; его же: Ming China and Turfan, 1406-1517 // Central Asiatic Journal. – 1972. Vol.16. – #3. – P. 206-234; и др.

²³ Fairbank J.K.: The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953. – 198 p.; Trade and diplomacy on the China coast. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953. P. 29; и др.

²⁴ Serruys H. Sino-Mongol Relations during the Ming: The Tribute System and Diplomatic Missions (1400-1600). –Brussel: Institut Belge des hautes etudes chinoises, 1967. – 220 p.; и др.

²⁵ Kautz Ralph. Paliuwan: Trader or Traitor? A Samarqandi in Medieval Melaka // Journal of the South Seas Society. – 2002. – #56. – P. 74-87; и др.

²⁶ Мин ши. (История династии Мин). Эрши сыши. В 24-х т. – Шанхай, 1958. Т.24. – 3975 с.

²⁷ Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи. (Избранные материалы по историографии Синьцзяна). – Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1987. – 654 с.

²⁸ Вэйуэрцзу шиляо цзяньбянь. (Извлечения из исторических материалов по истории уйгуров). В 2-х т. – Бэйцзин, 1955. – 300 с.

аньцзи хуэйбянь”²⁹ (“Сборник материалов по истории древних народов”); частные сочинения, прежде всего, сочинения известного китайского дипломата и путешественника Чэнь Чэна: “Сиюй синчэнцзи”³⁰ (“Записки о путешествии в Западные страны”), “Сиюй фаньгочжи”³¹ (“Описание государств Западного края”) и др.

Цель и задачи исследования. В соответствии с концептуальным замыслом, основной целью настоящей диссертации является комплексный анализ взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. на основе сведений китайских источников, что определило необходимость изучения, систематизации и анализа значительного объема источников и литературы на китайском языке по различным аспектам взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии периода Амира Темура и его потомков.

В контексте поставленной цели были определены следующие конкретные задачи исследования:

- дать характеристику основных китайских письменных источников и исторической литературы по истории взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв.;
- провести развернутое и систематическое исследование внутривосточной ситуации средневекового Китая, в соответствии с которой строились его отношения с государствами Центральной Азии;
- выявить основные внешнеполитические и экономические аспекты взаимоотношений минского Китая с народами Центральной Азии;
- исследовать материалы китайских источников о китайских путешественниках Фу Ане и Чэнь Чэне и их миссиях в Центральную Азию;
- изучить и систематизировать сведения китайских письменных источников по истории взаимоотношений минского Китая и империи Амира Темура и Темуридов;
- на материалах китайских источников исследовать взаимоотношения Китая эпохи Мин и восточно-туркестанских оазисов – Кумула и Турфана, которые на протяжении многих веков считались в Китае “воротами” в Центральную Азию;
- провести анализ роли Кумула в торгово-посольских связях Китая и Центральной Азии в период Амира Темура и Темуридов;
- выявить и исследовать сведения китайских первоисточников о развитии торговых путей в Центральной Азии;

²⁹ Лидай гэцзу чжуаньцзи хуэйбянь. (Сборник материалов по истории древних народов). В 3-х т. – Бэйцзин, 1959. – 1200 с.

³⁰ Чэнь Чэн. Сиюй синчэнцзи. (Записки о путешествии в Западные страны) // Минчаобэнь. – Бэйцзин, 1936. – 47 с.

³¹ Чэнь Чэн. Сиюй фаньгочжи. (Описание государств Западного края) // Минчаобэнь. – Бэйцзин, 1936. – 26 с.

- ввести в научный оборот материалы китайских письменных источников по истории Центральной Азии в XIV–XVII вв., сведения по исторической географии из сочинений Чэнь Чэна о его путешествии в Центральную Азию.

Хронологические рамки диссертации охватывают период XIV–XVII вв. Это время правления в Китае императоров династии Мин, а в Центральной Азии – Амира Темура и его потомков.

Методологической основой диссертации послужила концепция мировой исторической науки, в основе которой лежат принципы историзма и объективности исторического познания. Основополагающее значение имели положения и выводы, содержащиеся в фундаментальных трудах и выступлениях Президента Республики Узбекистан Каримова И.А., в Постановлении Кабинета Министров РУ о совершенствовании деятельности Института истории АН РУ от 28 июля 1998года.

В процессе работы использован комплекс общенаучных и специальных методов познания, в частности, диалектический, логический, системно-структурный, сравнительно-сопоставительный, применен комплексный анализ письменных источников, при котором учитывается конкретная историческая и политическая ситуация в исследуемом регионе.

К работе над диссертацией привлечена также англоязычная и русскоязычная научная литература по теме исследования.

Научная новизна. Настоящая диссертация представляет собой исследование, в котором на основе фактического материала китайских письменных источников, их критического анализа, предпринята попытка не только воссоздать объективную историческую картину прошлого центральноазиатского региона, но и ввести в научный оборот многие ранее неизвестные и малоизученные материалы китайских письменных источников. Диссертация является первым специальным исследованием взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая XIV–XVII вв. на базе сведений китайских источников. **Научная новизна работы** состоит в следующем:

- 1) проведено всестороннее изучение внутривосточных и внешнеполитических аспектов взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии в XIV–XVII вв.;

- 2) исследованы важнейшие проблемы экономических аспектов взаимоотношений минского Китая со своими соседями;

- 3) впервые изучены и систематизированы сведения китайских письменных источников по истории взаимоотношений минского Китая и империи Амира Темура и Темуридов;

- 4) привлечены малоизвестные китайские источники, а также современные исследования китайских историков для выявления сведений о взаимоотношениях Центральной Азии и Китая в позднее средневековье, на примере восточнотуркестанских оазисов Кумула и Турфана;

5) введены в научный оборот сведения по исторической географии Центральной Азии периода правления Амира Темура и Темуридов из сочинений Чэнь Чэна и других китайских письменных источников;

6) изучены и снабжены научным комментарием малоизвестные сведения китайских источников о торгово-посольских связях государств Центральной Азии и Китая в исследуемый период;

7) выявлены и исследованы материалы китайских источников о торговых путях в Центральной Азии в исследуемый период;

8) комплексно исследованы и введены в научный оборот новые сведения китайских исторических источников по теме диссертации.

Научная и практическая значимость результатов исследования.

Диссертация позволит расширить источниковедческую базу китаеведения Узбекистана. Результаты диссертационной работы могут послужить материалом для дальнейших исследований по истории внешней политики Китая в Центральной Азии, а также источниковедческих и историографических изысканий по истории взаимоотношений Центральной Азии и Китая. Изложенные в диссертации положения и выводы могут быть полезны историкам, политологам, преподавателям и студентам ВУЗов, всем, занимающимся и интересующимся историей международных отношений в Центральной Азии и историей Великого шелкового пути. В педагогической практике возможно использование материалов диссертации для чтения основных и специальных курсов по истории Китая и Центральной Азии в XIV–XVII вв.

Реализация результатов. 1. Материалы диссертации вошли в коллективные монографии “Ўзбек дипломатияси тарихи. Қадим замонлардан рус истилосиягача бўлган давр” (22 п.л.) и “Марказий Осиёдаги этник алоқалар тарихидан (Ўзма манбалардан лавҳалар)” (12 п.л.), подготовленные Институтом востоковедения АН РУ в рамках выполнения гранта “Средняя Азия и Зарубежный Восток (проблемы современности и исторические связи)”.

2. Материалы докторской диссертации Каримовой Н.Э. использовались при составлении аналитических и информационных материалов для вышестоящих органов.

3. Переводы из китайских источников по теме диссертации и материалы диссертации использованы при составлении “Ўзбекистон тарихи хрестоматияси” (том 3), подготовленной Государственным Музеем истории Темуридов в рамках инновационного проекта № 4И 3-08 (15.06.2004 г.).

4. Материалы докторской диссертации использованы при составлении типовых программ и рекомендованы как литература по предметам “Ўзбек дипломатияси тарихи”, “Основы дипломатии”, “Дипломатический протокол”, читаемым на кафедре Международных отношений, политологии и права ТашГИВ.

5. Основные положения диссертации отражены в выступлениях на международных научных конференциях (5), среди них международная научная конференция “Шахрисабз шахрининг жаҳон тарихида тугган ўрни” (март

2002 г., Ташкент); международная научная конференция “Центральная Азия в призме истории: от древности к современности” (12-13 августа 2002 г., Ташкент); международная научная конференция “Актуальные проблемы китаеведения” (2004 г., Ташкент) и др.

Апробация работы. Диссертация прошла апробацию и была рекомендована к защите на научных семинарах Института востоковедения АН РУ (11 мая 2005 г.), Ташкентского Государственного института востоковедения (1 июня 2005 г.), Исторического факультета Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (15 июня 2005 г.).

Опубликованность результатов. Материалы диссертации отражены в 24 опубликованных научных работах автора, в том числе, одной монографии на тему “Взаимоотношения народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. (по материалам китайских источников)” (2005; 11,5 п.л.).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во **введении** обоснованы актуальность и научная новизна, практическая значимость диссертации; определены цель и задачи, представлена степень изученности проблемы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1** “Состояние проблемы в рамках существующих исторических подходов” дан анализ основных китайских письменных источников по теме исследования и историографический обзор существующей литературы по взаимоотношениям народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв.

Глава 2 “Центральная Азия и Китай в XIV–XVII вв.” посвящена исследованию внутривосточной ситуации в Китае после воцарения на престоле династии Мин (1368–1644 гг.), а также некоторым внешнеполитическим и экономическим аспектам взаимоотношений Китая с народами Центральной Азии.

Первыми императорами династии Мин было отправлено в Центральную Азию несколько миссий, самыми известными среди которых были посольства во главе с Фу Анем и Чэнь Чэном. О них подробно изложено в **главе 3** “Миссии китайских дипломатов в Центральную Азию в XIV–XV вв.”.

В **главе 4** “Торгово-дипломатические связи Китая и Центральной Азии в XIV–XVII вв.” рассматриваются вопросы взаимоотношений минского Китая и империи Амира Темура и Темуридов, а также исследуются некоторые наиболее важные направления восточнотуркестанской политики Китая эпохи Мин. В главе собраны материалы китайских письменных источников о роли Кумула в торгово-дипломатических взаимоотношениях Китая и городов-государств Центральной Азии.

Глава 5 “Развитие торговых путей Центральной Азии в XIV–XVII вв.” посвящена исследованию материалов китайских письменных источников по истории Великого шелкового пути.

В **заключении** сформулированы конкретные аналитические выводы по результатам настоящей работы.

В **приложение** диссертации включены переводы китайских письменных источников, приведены таблицы посещений центральноазиатскими посланниками минского Китая, терминологический словарь и др.

Объем диссертации – 273 стр. машинописного текста. Список использованных источников и литературы включает в себя 362 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель, задачи, предмет исследования, методологическая основа работы и методы ее проведения, характеризуется источниковедческая база, раскрывается научная новизна и практическая значимость полученных результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе “Состояние проблемы в рамках существующих исторических подходов”**, состоящей из двух параграфов – *“Основные китайские письменные источники по теме исследования”* и *“Изучение взаимоотношений Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. в контексте современных общемировых тенденций”*, рассматриваются основные китайские письменные источники и литература по теме исследования.

Ценность китайских источников при изучении истории Центральной Азии общепризнанна. Существует много разновидностей китайских источников, которые отличаются методом подачи материала, тематикой и расстановкой акцентов. Среди наиболее распространенных можно отметить *династийные хроники* (“Мин ши”³²), описывающие события, происходившие во время правления в Китае правящих династий; *серия “шилу”* (правдивые записи), в частности, труд “Мин шилу”, содержащие более подробные сведения о делах правления отдельных императоров; *дневники “ци цзюй чжу”*, в которых фиксировались ежедневные деяния императоров; *“шэн сюнь” (священные наставления)*, в которых были собраны фрагменты указов императоров; *“фан люэ”* (описание войн), частные сочинения и др.

Последний раздел династийной истории “Мин ши”, составляющий основную часть сочинения, является главным источником по истории зарубежных стран³³, а точнее, по истории их связей с минским Китаем. Несмотря

³² Мин ши... Т.24. – 3975 с.

³³ Центральноазиатский регион назван в “Мин ши” – “Сиюй” (Западные страны, Западный край). В китайских письменных источниках термин “Сиюй” появился во время правления династии Западная Хань (206 г. до н.э.-8г.н.э.) и означал земли, лежащие к западу от пограничного поселения Дуньхуан. Одни китайские авторы ограничивают понятие “Сиюй” территорией СУАР (КНР), другие – расширяют его и включают центрально-азиатские страны, т.е. все земли, лежащие к западу от Китая, в русской и зарубежной исторической литературе – это Восточный Туркестан.

ря на фундаментальный характер, “Мин ши” не лишена отдельных неточностей, тем не менее, трудно переоценить огромное значение династийных хроник, как источников по истории Китая, являющихся также важными источниками по древней и средневековой истории соседних с Китаем стран и территорий.

Китайские историки и исследователи, в целом, невысоко оценивают минские “Правдивые записи”, отмечая свойственные этим сочинениям многочисленные недостатки, которые, по их мнению, были порождены тем, что в империи Мин данные труды оказались под влиянием политической борьбы. Тем не менее, они представляют собой наиболее полный свод данных о Китае эпохи Мин.

В “Мин хуэй яо”³⁴ (“Сводном обозрении династии Мин”), составленном Лун Вэньбином (1821–1893 гг.), собраны сведения об иноземных странах, их местоположении, нравах и обычаях народов, посольских миссиях и т.д. Как и большинство других китайских источников, сочинение не лишено тенденциозности и китаецентризма в изложении событий.

Многие события средневековой истории народов Центральной Азии и Китая были отражены в воспоминаниях современников. Среди них, несомненно, следует отметить сочинения Чэнь Чэна – “Сиюй синчэнцзи” (“Записки о путешествии в Западные страны”) и “Сиюй фаньгочжи” (“Описании государств Западного края”), которые являются важными источниками по истории Центральной Азии начала эпохи Мин, несмотря на присущий этим сочинениям субъективизм и некоторые неточности.

“Хами чжи” (“Историко-географическое описание Кумула”)³⁵ Чжун Фана³⁶ относится к группе источников “историко-географических описаний”, которые описывают отдельные административные единицы Восточного Туркестана. Наш интерес к данному источнику обусловлен, прежде всего, тем, что Кумул был важнейшим оазисом Восточного Туркестана, игравшим исключительную роль в отношениях между народами Центральной Азии и Китая. Являясь важным пунктом Великого шелкового пути, связывавшим различные регионы, Кумул представлял собой центр, где происходило активное взаимодействие и взаимопроникновение различных культур и народов. Материалы данного источника позволяют более полно осветить историю Кумула, и вместе с ним историческое прошлое народов Центральной Азии.

Важные сведения о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии исследуемого периода содержатся в сборниках извлечений из исторических материалов по истории Восточного Туркестана и Центральной Азии, в частности, “Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи” (“Избранные матери-

³⁴ Лун Вэньбинь. Мин хуэй яо. (Сводное обозрение династии Мин). – Бэйцзин, 1956. – 1850 с.

³⁵ “Кумул” – “Хами” в китайской литературе.

³⁶ Чжун Фан. Хами чжи. (Историко-географическое описание Кумула). – Тайбэй, 1968. – 204 с.

алы по историографии Синьцзяна”) и “Вэйуэрцзу шияло цзяньбянь” (“Извлечения из исторических материалов по истории уйгуров”). Ценность данных сочинений в том, что в них собраны сведения не только известных, но и малоизвестных нашим исследователям китайских письменных источников.

Значение и достоверность перечисленных выше источников весьма неравноценны. Материалы различных китайских письменных источников в значительной мере повторяют одни и те же сведения, но они акцентируют внимание на различных аспектах взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии, что дает возможность составить более широкое и достаточно полное представление о взаимоотношениях отдельных государств того периода. Сопоставление материалов основных источников с данными других исторических сочинений, так или иначе затрагивающих тему настоящего исследования, способствовало выяснению и уточнению отдельных деталей. При сопоставлении их выявляются разночтения, а иногда ошибочная датировка тех или иных событий. Тем не менее, при должном критическом отношении к источникам и внимательном сличении данных в них можно почерпнуть богатый и разнообразный материал по изучаемому вопросу. Все вышеуказанные сочинения содержат богатый фактический материал по истории взаимоотношений Центральной Азии и Китая, их изучение и введение в научный оборот сведений многих недоступных для нас китайских источников необходимо для более полного понимания исторического прошлого региона.

Если не считать средневековой китайской официальной историографии, которая совпадает с вышеназванными источниками, интерес к проблемам истории связей Китая с Центральной Азией начал проявляться в Китае на рубеже XIX–XX вв. Однако в полном смысле научное изучение отдельных аспектов интересующей нас проблемы началось в Китае лишь в 60-х гг. прошлого столетия. Большинство авторов подчеркивают, что в XIV–XVII вв. связи Китая с центральноазиатским регионом были весьма оживленными и разносторонними.

Среди трудов китайских исследователей истории Центральной Азии, а также взаимоотношений Китая и народов центральноазиатского региона, можно отметить коллективную работу китайских историков “Синьцзян цзяньши” (“Краткая история Синьцзяна”)³⁷ и монографию известного китайского историка Су Бэйхя “Сиюй лиши дили” (см. сноску 9 на стр. 6), посвященную исследованию истории древних усуней, татар, истории различных городов и регионов Восточного Туркестана, истории Великого шелкового пути, а также этимологии различных топонимов Восточного Туркестана.

Из исследований китайских ученых, посвященных истории внешнеторговых связей Китая и государств Центральной Азии, можно отметить рабо-

³⁷Синьцзян цзяньши. (Краткая история Синьцзяна). В 3-х т. – Урумчи, 1985. Т.3. – 900 с.

ты китайских историков Хэ Яня³⁸, Ма Шоуцяня³⁹, Тянь Вэйцзяна⁴⁰ и др. Хэ Янь широко использует сведения китайских источников эпохи Мин при исследовании вопросов торгово-посольских отношений между Китаем и государствами Центральной Азии. Тянь Вэйцзян на основе минских источников говорит о причинах учреждения караула Хамивэй. Статья не лишена, на наш взгляд, отдельных ошибочных выводов, например, касающихся власти минского двора в Кумуле, которая фактически была номинальной, но в целом, работа представляет собой определенный интерес.

Среди ряда исследователей было распространено традиционное представление об особой системе отношений Китая с иностранцами. Согласно этой системе, Китай (Чжунго) являлся Срединным Государством, а все другие страны были его данниками⁴¹. Китайский император считался правителем всех других правителей, которые, выказывая свое уважение, принимали статус “вассалов”, представляя периодическую “дань” к китайскому трону. На протяжении большей части своего существования Китай стремился следовать этим принципам. Сторонники традиционной интерпретации взаимоотношений (Ф. Цзан⁴², Т. Лин⁴³ и др.) утверждали, что основной целью китайских императоров при этом была защита границ.

В последние годы теория “даннической системы” в международных отношениях стала подвергаться критике отдельными исследователями⁴⁴. Кроме того, ряд специалистов отмечает, что некоторые китайцы извлекали выгоду из торговли, а определенные товары, привозимые иностранными торговцами, были необходимы Китаю. Иными словами, предложенная китайцами теория о системе международных отношений, не полностью характеризовала контакты Минов с государствами Центральной и Внутренней Азии⁴⁵.

Ошибочным, на наш взгляд, является и мнение некоторых авторов (Сюй Юйху⁴⁶, Сян Да, Шан Юэ и др.) о том, что император Мин предпринимал морские экспедиции во главе с адмиралом Чжэн Хэ, чтобы заключить военные союзы с государствами Персидского залива, побережья Красного моря и Индийского океана в борьбе против Темура⁴⁷.

³⁸ Хэ Янь. Миндай Сией юй Чжуньюаньды тунгун маои... С. 42-50.

³⁹ Ма Шоуцянь. Миндай Хами дифандэ халахуэй... С. 116-118.

⁴⁰ Тянь Вэйцзян. Лунь Миндай Хамивэйды шэчжи цзи ци Ии. (Об учреждении в эпоху Мин Хами-вэй и его значении) // Синьцзян шэхуэй кэсюэ. – Урумчи, 1983. – №13. – С. 13-20.

⁴¹ Rossabi M. The Ming and Inner Asia // Central Asiatic Journal. – 1972. – Vol.8. P. 223.

⁴² Tsiang F. China and European expansion. // *Politica*. 2, March 1936. P. 2-3.

⁴³ Lin T. C. Manchuria trade and tribute in the Ming dynasty // *Nankai Social and Economic Quarterly*. – 1937. P. 156.

⁴⁴ Wang Yitong. Official relations between China and Japan 1368-1549. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953. P.3.

⁴⁵ Rossabi M. The Ming and Inner Asia... P. 224.

⁴⁶ Xu Yuhu. Cheng He pingchuan. (Жизнеописание Чжэн Хэ). – Taipei, 1958. – 356 p.

⁴⁷ Rossabi M. The Ming and Inner Asia... P. 224.

Труды современных китайских исследователей по истории взаимоотношений Китая и Центральной Азии представляют интерес и в связи с тем, что знакомят нас с современной китайской историографической школой.

В американской и западноевропейской синологии проблема взаимоотношений Китая с государствами Центральной Азии изучена сравнительно мало. Здесь, пожалуй, можно выделить исследования М. Россаби⁴⁸ и Дж. Фэйрбэнка⁴⁹, которые останавливались на изучении темы мнимого характера китайского сюзеренитета над соседними государствами и народами. К сожалению, авторы нигде последовательно не делают вывода о мнимом характере “дани” и “вассалитета” как таковых, а лишь фиксируют принесение “дани” в неуставленные сроки. Дж. Флетчер⁵⁰ приводит примеры двойственности оформления ритуального “данничества” иноземцев⁵¹. Э. Бретшнейдер предпринял попытку систематизации китайских сведений о Западных странах и сопоставления их с информацией неких источников⁵².

Вопросы истории внешних отношений средневекового Китая привлекали внимание многих российских (советских) авторов. Прежде всего, следует отметить работы А.А. Бокщанина⁵³, который на примере стран Юго-Восточной Азии характеризует китайскую традиционную систему внешних сношений как систему “номинального вассалитета” и подчеркивает мнимый характер сюзеренитета Китая по отношению к большинству иностранных государств. Разработка общетеоретических проблем истории внешней политики Китая принадлежит А.С. Мартынову⁵⁴, который обобщил ряд существенных проявлений принципов китаецентризма во внешней политике различных императорских династий Китая. Автором подчеркнут такой важный факт, как одностороннее провозглашение Китаем своего верховенства над остальным миром, в целом, и конкретными странами, в частности.

⁴⁸ Rossabi M. *Ming China's Relations with Hami and Central Asia, 1404-1513: A Re-examination of traditional Chinese foreign policy.* – New York: Columbia University, 1970. – 468 p.; *The Ming and Inner Asia...*; *China and Inner Asia...*; и др.

⁴⁹ Fairbank J.K. *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations...*; *Trade and diplomacy on the China coast...*; и др.

⁵⁰ Fletcher J. F. *China and Central Asia, 1368-1884...* P. 210.

⁵¹ Там же. P. 311.

⁵² Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources.* – London, 1910. Vol.II. – 280 p.

⁵³ Бокщанин А.А. *Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв...*; его же: *Императорский Китай в начале XV в. (внутренняя политика)...*; его же: *Особенности внешних сношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность.* – М., 1976; и др.

⁵⁴ Мартынов А.С. *О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // 12-я научная конференция “Общество и государство в Китае”.* Тезисы и доклады. В 2-х ч. – М.: Наука, 1970-1981. Ч.2. С. 24-29; его же: *К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X-XII вв. (Терр.аспект) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти).* Материалы конференции. В 2-х т. – М., 1979. Т.1. – 245 с.; его же: *Традиционный китайский подход к внешнему миру // Страны и Народы Востока.* 1988. Вып. 20. С. 45-56; и др.

Изучению узловых моментов в истории внешних связей Китая со странами Центральной Азии посвящено несколько работ Зотова О.В.⁵⁵. Уделяя основное внимание освещению событий с точки зрения межгосударственных отношений, он анализирует вопросы номинального вассалитета независимых, по существу, государств региона по отношению к империям Мин и Цин, а также вопросы торгового обмена между ними.

Военно-дипломатическим отношениям между минским Китаем и Монголией посвящены работы М. Кутлукова⁵⁶ о монгольском господстве в Восточном Туркестане и Д. Покотилова⁵⁷, в монографии которого на основе материалов китайских источников показано, как складывалась территория Минской империи.

Необходимо особо остановиться на вкладе японского востоковедения в изучение истории Восточного Туркестана⁵⁸. Характерно, что японские исследователи представляют работы об отношениях Минов с другими азиатскими странами, в основном, на основе “Мин шилу”, не сравнивая со сведениями других минских хроник.

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени нет ни одного всеобъемлющего монографического исследования, охватывающего комплекс отношений между минским Китаем и народами Центральной Азии в XIV–XVII вв. и, в целом, интересующая нас проблема не получила полного и всестороннего освещения, а некоторые аспекты, которые затрагивались отдельными авторами, требуют переосмысления и уточнения.

Анализ литературы последних лет подводит к выводу о том, что назрела необходимость введения в научный оборот новых зарубежных, а также китайских источников, которые раньше либо не использовались вообще, либо использовались только для иллюстрации конкретных положений⁵⁹.

⁵⁵ Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв...; его же: Китай и государства Восточного Туркестана в XV-XVI вв. (к характеристике “даннической системы”) // 11-я конференция ОГК. – М.: Наука, 1980. Ч.2. С. 49-60; его же: Тюрки, уйгуры, Восточный Туркестан в средние века // История народов Восточной и Центральной Азии. – М.: Наука, 1986. С. 209-220; и др.

⁵⁶ Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе... С. 84-106.

⁵⁷ Покотил Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368-1644 (по китайским источникам). – С-Пб., 1893.

⁵⁸ Jioten Oda. Uiguristan // Acta Asiatica. – Tokyo, 1978. №34. P. 35-42; Enoki K. Tsung-le's Mission to the Western Regions in 1378—1382 // Oriens Extremus. December, 1972. #19. D. 36; Watanabe Hiroshi. An index of embassies and tribute missions from Islamic countries to Ming China as recorded in the Ming Shih In classified according to geographic area // Memoirs of the research department of the Toyo Bunko. – Tokyo, 1975. №33. P. 285-347.

⁵⁹ Азия – диалог цивилизаций. – С-Пб., 1996. – 496 с.; Центральная Азия и культура мира. – Бишкек: Издательский центр ФПОИ, 2001. №1-2 (10-11). – 198 с.; Brook Timothy. Geographical Sources in Ming-Qing History (Michigan Monographs in Chinese Studies). – California: Center for Chinese Studies, 2002. – 470 p.; Cristian David. Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History // Journal of World History. – Hawaii: University of Hawaii Press, 2000. – 346 p.; Mote F. W. Imperial China. 900-1800. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999. – 810 p.; Wriggins Sally Holley. Xuanzang: A Buddhist Pilgrim on the Silk Road. Westview Press, 1996. – 664

Во второй главе – “Центральная Азия и Китай в XIV–XVII вв.” исследуются некоторые аспекты политических и экономических взаимоотношений Китая с народами Центральной Азии. В первом параграфе – “Внутриполитическая и внешнеполитическая деятельность династии Мин” анализируется внутренняя ситуация в Китае в начале правления династии Мин и внешнеполитическая деятельность минского Китая в Центральной Азии.

Новой империи требовалось укрепить положение новой власти в центре и на местах, поднять хозяйство страны, разрушенное за годы антимонгольской и междоусобных войн, реорганизовать армию. Однако, несмотря на определенные успехи в различных областях, достигнутые в самом начале правления династии Мин, положение в стране уже в XV в. становится достаточно сложным.

Естественно, что в условиях формирования в Китае нового централизованного государства главной задачей внешней политики минского правительства было “восстановление международного престижа Китая как суверенного государства и прекращение вторжений извне”⁶⁰.

Китайская внешнеполитическая активность в центральноазиатском регионе приходится на эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г.) и Тан (618-907 гг.). В послетанский период отношения между Китаем и Восточным Туркестаном были практически прерваны. Империи Мин пришлось начинать свою восточнотуркестанскую политику почти с той же исходной точки, что и Ранней Хань во II в. до н.э. Едва взойдя на престол, Мины пытаются расширить сферу своего влияния, но еще в течение двадцати лет после воцарения на престоле, императору Мин Тайцзу пришлось методично подчинять внутреннюю территорию Китая. Это наложило отпечаток на внешнюю политику новой династии.

Внутриполитическое положение империи Мин в XIV в. и позднее осложнялось ввиду существования ряда уделов, где в той или иной мере правила родственники царствовавшей фамилии. К 1432 г. сепаратизм уделов был в целом ликвидирован. Первый император Мин вне границ Китая, вдоль Великой стены, на какое-то время создал подобие буферной зоны. Однако, укрепленными пунктами за Великой стеной империя Мин владела сравнительно недолго, всего несколько десятилетий, вплоть до правления императора Инцзуна (1436–1449 гг.).

Военная реформа императора Тайцзу (1368–1398 гг.) привела к созданию разветвленной и стройной военной организации, однако общая политическая напряженность в империи и периодические чистки государственного аппарата Мин снижали эффективность действий вооруженных сил.

p.; Tsai Henry (Shih-Shan Henry). Perpetual Happiness: The Ming Emperor Yongle. – Washington: University of Washington Press, 2001. – 374 p.; и др.

⁶⁰ История дипломатии. В 5-ти т. – М.: Политиздат, 1974. Кн.1. С. 223.

Немногом улучшилось положение при императоре Юнлэ (1403–1424 гг.). Требования национальной безопасности, по представлению китайского правительства, диктовали необходимость окончательного разгрома монголов и создания оборонительной системы вдоль северных рубежей страны. В целях реализации первой задачи в начале правления династии Мин были предприняты крупные походы в Монголию, которые были прекращены в связи с внутренней нестабильностью в Китае и Монголии.

Необходимо отметить, что конец XIV в. был периодом наибольшего территориального расширения Китая в северном направлении за время существования Минской династии. Тем не менее, собственные границы китайского государства (за исключением некоторых территорий) почти не выходили за пределы Великой стены. Естественно, что защита ее была сопряжена с большими военными, финансовыми, продовольственными и другими трудностями. В этой связи можно рассматривать вопрос оборонных возможностей минского Китая против намечавшегося в 1405 г., похода Амира Темура. Узнав о подготовке Темура к военному походу на Восток, Юнлэ дал приказ командованию своих вооруженных сил в Ганьсу приготовиться к отражению возможного нападения, но насколько адекватной была их готовность к противостоянию, не совсем ясно. Предполагаемый поход не состоялся из-за скорострительной кончины Темура. Впоследствии с его преемниками в Самарканде и Герате империя Мин неизменно поддерживала мирные и, по сути, вполне равноправные отношения, что для традиционного Китая было сопряжено с определенными усилиями.

К моменту установления империей Мин регулярных отношений с государствами Центральной Азии, Китай еще не представлял собой достаточно прочного экономического и культурного целого. Страна переживала период существенной трансформации и находилась в процессе становления.

В отличие от других императоров Мин, император Юнлэ активно поощрял расширение торговли и пытался увеличить число посольств, прибывающих в Китай, стремился развивать политическое и экономическое участие Китая в Азии. Его активный интерес к центральноазиатскому региону определил то, что его правление упоминается ведущими исследователями как “один из самых агрессивных периодов в истории Минов”⁶¹.

До императора Хуньу (Гайцзу) никто не устанавливал стабильных и действенных договоренностей с наиболее отдаленными государствами, так называемого, Сиюя (Западных стран). Китайские отчеты периода Хуньу содержат записи об официальных “посольствах” от центральноазиатского правителя Темура. Эти “посольства” были, несомненно, коммерческими во главе с центральноазиатскими торговцами, жаждавшими торговать с Китаем. Зачастую, Темуру не имел никакого отношения к этим торговым мисси-

⁶¹ Farmer Edward L. Early Ming government: The evolution of dual capitals. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. P. 104.

ям. Торговцы умело именовали себя официальными посланниками и представляли письма, якобы, от Темура, в которых последний рассматривал китайского императора как вышестоящего правителя. Это не могло не привести к осложнению отношений между Китаем и империей Амира Темура.

После смерти императора Юнлэ в 1424 г. взаимоотношения Китая и центральноазиатских государств постепенно стали меняться. Военные экспедиции Юнлэ в Монголию и Вьетнам были неудачными, в течение XV в. минская армия начала уменьшаться численно, флот был в состоянии застоя, экспедиции Чжэн Хэ уже были приостановлены после 1432 г.⁶². Китай ограничил контакты с отдаленными городами и государствами Центральной Азии. Возвышение Турфана создавало новые трудности. Кроме того, испытывая недостаток в контроле над Кумулом, Китай не мог управлять торговым и “данническим” обменом.

Как нам представляется, китайцы были хорошо осведомлены о народах Центральной Азии⁶³. Многочисленные китайские чиновники, прослужившие по нескольку лет в приграничных районах, являлись основными экспертами в вопросах взаимоотношений Китая со своими соседями. Поэтому, традиционное представление о том, что минский Китай испытывал недостаток в экспертах, и, как следствие, не был осведомлен о событиях, происходивших в Восточном Туркестане и, в целом, в Центральной Азии, требует пересмотра.

Во **втором параграфе** – *“Политико-экономические взаимоотношения Китая с народами Центральной Азии”* изучены экономические аспекты взаимоотношений Китая с народами Центральной и Внутренней Азии в рассматриваемый период. Несмотря на то, что большое количество информации о дипломатических и “даннических” связях с этими регионами содержится в “Шилу” (“Правдивых записях”)⁶⁴, до недавнего времени исследователи мало внимания уделяли отношениям Минов с Центральной и Внутренней Азией⁶⁵, поэтому существует необходимость более ясного и детального изучения этих взаимоотношений.

В политических и экономических взаимоотношениях Китая с центральноазиатскими народами в средние века выделяется система контактов, в центре которой, в значительной степени, находились интересы военно-стратегического характера. Это прослеживается на примере торговли, а точнее, торгового обмена Китая со своими соседями. Династия Мин, следуя

⁶² Rossabi M. *The Ming and Inner Asia*... P. 250.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Например, японские исследователи представляют работы об отношениях Минов с другими азиатскими странами на основе минских “Правдивых записей”. См.: Watanabe Hiroshi. *An index of embassies and tribute missions from Islamic countries*... P. 285-347.

⁶⁵ Rossabi M. *China among equals: The Middle Kingdom and its neighbours, 10-14 centuries*...; *ero же: Ming China's relations with Hami and Central Asia*...; *Ming China and Turfan*...; Watanabe Hiroshi. *An index of embassies and tribute missions from Islamic countries*...; и др.

примеру Сунов⁶⁶, пыталась использовать правительственную монополию на чай не только для приобретения лошадей, но и для усмирения непокорных кочевников.

С. Мартынов в своей статье⁶⁷, исследуя особенности торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин, касается вопроса общего подхода китайского государства к торговле⁶⁸. Китайское государство старалось не допускать внешней торговли в чистом виде, а стремилось ввести ее в рамки политических отношений по системе “сюзерен – вассал”, проявляя больше внимания к таким отношениям, каковыми были “даннические” отношения: “Нет дани – нет торговли; есть дань – есть и вознаграждение”⁶⁹. Некоторые ученые утверждают, что Китай был экономически независимым и использовал потребности кочевников в китайских товарах как политическое средство, что было предпочтительнее, чем экономические выгоды⁷⁰.

Лошади были чрезвычайно необходимы в военных действиях, при охоте и транспортировке. Правители Мин считали, что монголы смогли утвердиться в Китае из-за огромного количества лошадей⁷¹. В эпоху Мин стратегическое значение приобретают западные границы провинций Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, в результате чего, тибетские районы стали центрами торговли чаем и лошадьми. Наличие достаточного количества лошадей, обеспечивающих мобильность при ведении военных действий, было залогом успеха в борьбе против восставших и при восстановлении единства империи.

Позже, военно-стратегические интересы заставили китайское правительство перенести столицу на север, центр обмена чая на лошадей также переместился в более северные тибетские районы. Китайское правительство предпочитало организовывать торговлю не с монголами, у которых лошадей было больше и они были лучше, а с менее воинственными тибетскими племенами. Как видно, выбор места торговли и партнера осуществлялся, исходя из соображений не экономического, а военно-политического характера⁷².

Первый император Мин учредил Юаньмасы (Ведомство по пастбищам) и Тайпусы (Ведомство по контролю), с четырьмя филиалами под управлением Военного Министерства, основной целью которых было разведение лошадей. Несмотря на эти меры, Китай был не в состоянии обеспечить себя достаточным количеством лошадей, поэтому минские императоры (Хунью и Юнлэ) отправляли посольства в государства Центральной Азии, чтобы предложить правителям этих стран в качестве “дани” привозить в Китай

⁶⁶ Сун – эпоха, династия (960-1279 гг.).

⁶⁷ Мартынов С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи. – М., 1970. С. 234-250.

⁶⁸ Мартынов С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми... С. 234.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Fairbank J.K. On Qing Tributary System // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1941. Vol.VI. – P. 140.

⁷¹ Мартынов С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми... С. 236.

⁷² Там же. С. 237.

лошадей. Подобная политика была успешной, и вскоре из различных районов Центральной Азии, как упоминают “Мин ши” и “Мин шилу”, стали привозить лошадей в Китай. Однако, для пополнения резерва лошадей в масштабе всей страны нельзя было полагаться на такого рода поставки. К тому же, китайское правительство несло непомерные расходы при сопровождении караванов с “данью”, и в интересах империи было найти менее дорогостоящий путь пополнения китайских конюшен, так как китайцы очень часто теряли своих дорогих, в прямом смысле этого слова, лошадей в боевых действиях.

Самым надежным источником добывания лошадей оставалась торговля, которая, как мы уже отмечали, не признавалась официальным Китаем, но была так необходима для безопасности государства. Поэтому, если в начале правления династии Мин торговля почти полностью контролировалась правительством и участие торговцев в этом было минимальным, то к концу правления Мин потребность государства в лошадях стала такой непомерной, что власть отказалась от предубеждений против коммерции и позволила торговцам играть доминирующую роль в торговле лошадьми. На северо-восточной границе Китая кочевые народы продавали лошадей китайцам за шелк и серебро, а на северо-западе развивался торговый обмен чая на лошадей.

Формально торговля чаем и лошадьми велась только в мирное время. На самом же деле нужда Китая в лошадях была так велика, что фактически она не прекращалась даже во время военных действий. Если Китай хотел быть уверенным в соответствующем снабжении лошадьми и оставаться сильным, то торговля чаем и лошадьми должна была сохраняться. Китайские чиновники часто повторяли, что чай и лошади связаны в жизни, поэтому и Чайное Ведомство и Ведомство по лошадям управлялись одними и теми же людьми.

Тщательно продуманная система контроля за торговым обменом чая на лошадей требовала больших усилий китайского правительства, тем не менее, со временем в этой сфере вновь стала процветать контрабанда. Подъем Турфана в Центральной Азии обострил эти проблемы.

С 1585 г. император Ваньли (1579-1619) признал неэффективность мер по тотальному контролю над торговлей чаем и лошадьми и вновь пошел на компромисс с торговцами. Тщетными оказались и усилия установить контроль за качеством чая⁷³.

В заключение можно отметить, что минский двор, несмотря на неприятие коммерции, инициировал развитие торговли “чаем – лошадьми” с кочевыми племенами в период правления Хунью, так как очень нуждался в лошадях. Китайское государство старалось не допускать внешней торговли в чистом виде, а стремилось ввести ее в рамки политических отношений по

⁷³ Мин ши... Т.1. Гл.80. С. 29022 (8306).

системе “сюзерен – вассал”, проявляя больше внимания к, так называемым, “данническим” отношениям.

Когда Китай был экономически независимым, он использовал потребности кочевых народов в китайских товарах как политическое средство, что было предпочтительнее для власти, чем экономические выгоды. Торговля чаем и лошадьми, помимо прочего, была единственным недорогим путем умиротворения кочевников. Согласно этому, китайские чиновники могли контролировать непокорные племена, просто отказывая им в чае. Но, зачастую, Китай фактически держал чай для кочевников, т.к. нуждался в лошадях и сам неохотно приостанавливал торговлю чаем и лошадьми.

Таким образом, в политических и экономических взаимоотношениях Китая с центральноазиатскими народами в XIV–XVII вв., выделяется система контактов, в центре которой, в значительной степени, находились интересы военно-стратегического характера, которые в эпоху Мин заставили китайское правительство перенести столицу на север страны, а центр обмена чая на лошадей – в северные тибетские районы.

Чамасы (Ведомство по торговле чаем и лошадьми) в Шэньси было единственной организацией, уполномоченной вести торговлю чаем и лошадьми. Несмотря на деятельность Ян Ицина, первого чиновника, задумавшего реформу работы Ведомства, последние усилия императоров Мин поднять экспорт чая были тщетными и, как отмечают китайские источники, в конце правления Мин “чайное производство, управление лошадьми и защита границ – все было разрушено”⁷⁴.

Внутриполитическое положение империи Мин в XIV в. было сложным в экономическом и политическом отношении. Тем не менее, в результате определенных усилий, первым императорам Мин удалось поднять разрушенное хозяйство. В качестве государственной идеологии было восстановлено конфуцианство, возродился бюрократический аппарат, была реформирована экзаменационная система, проведена реорганизация армии.

Нестабильность внутри страны, угроза со стороны свергнутых Юаней, сумевших сохранить значительные военные силы, существенно ограничивали возможности Китая в деле установления и поддержания связей с иноземными государствами, так как вплоть до конца XIV века основные военные усилия минского правительства были сосредоточены на северо-западных рубежах государства. Тем не менее, минский двор выступил инициатором установления и расширения посольских связей с центральноазиатскими странами.

Третья глава – “Миссии китайских дипломатов в Центральную Азию в XIV–XV вв.” состоит из двух параграфов: *“Посещение Фу Анем Самарканда”* и *“Миссия Чэнь Чэна в Самарканд и его сведения о Центральной Азии”*.

⁷⁴ Мин ши... Т.1. Гл.80. С. 29022 (8306).

Эпоха Мин известна в истории Китая как время активных политико-дипломатических, торгово-экономических и других контактов между Китаем и государствами Центральной Азии. Для установления дипломатических связей в начале правления династии Мин в страны Центральной, Южной и Юго-Западной Азии было послано несколько миссий. Посольство во главе с Цзун Лэ побывало в Тибете и Непале, Куань Чэ был отправлен в Бешбалык, Чэнь Чэн был послан в Самарканд, а раньше него в Самарканд отправился Фу Ань, где он задержался на целых 12 лет. Только после смерти Амира Темура Фу Аню было разрешено вернуться на родину. Согласно “Истории династии Мин”, китайский посланник вернулся домой в 1407 г., после двенадцатилетнего отсутствия⁷⁵. Результатом путешествий, вернее, дипломатических миссий Фу Аня в Центральную Азию был сборник стихов “Сиюй шэньланьши” (“Стихи о диковинных вещах, увиденных в путешествии на Запад”)⁷⁶.

Первая дипломатическая миссия Фу Аня продлилась с 1395 г. до 1407 г. Фу Ань и его группа вернулась в Китай, сопровождая Худаяда (или Худайдада), которого направил с ними Халил, внук и преемник Темура. Вторая миссия Фу Аня началась в 1408 г. Когда правитель Самарканда прислал посольство с лошадьми в качестве даров, император Мин Чэнцзу приказал Фу Аню и ряду других чиновников сопровождать посольство на обратном пути и вручить дары правителям Герата и соседних ему стран. В 1409 г. Фу Ань возвратился в сопровождении самаркандского посольства с дарами⁷⁷. Третья его миссия началась после 17 августа 1409 г., однако, к сожалению, в источниках отсутствует информация о дате возвращения этого посольства в Китай. О четвертой дипломатической миссии Фу Аня в центральноазиатский регион известно, что она началась где-то после 28 января 1412 г., а завершилась 27 декабря 1413 г.⁷⁸ О дате возвращения Фу Аня с людьми из пятой миссии, отправленной в 1414 г., источники также не сообщают. В последний, шестой раз Фу Ань отправился в Бешбалык в 1416 г. для участия в религиозных церемониях по поводу смерти местного правителя. Император Юнлэ, в знак признательности за службу, неоднократно отмечал Фу Аня наградами, как отмечают китайские источники, за счет государственной казны⁷⁹.

Неоднократно бывал в странах Центральной Азии и известный китайский дипломат и литератор Чэнь Чэн, описавший свои путешествия в сочинениях “Сиюй синчэнцзи” и “Сиюй фаньгочжи”.

Дневники Чэнь Чэна “Сиюй синчэнцзи”, хотя и представляют собой довольно утомительное чтение, являлись ценнейшим путевым справочником для любого путешественника или торговца, собиравшегося в поездку через

⁷⁵ Там же. Т.3. Гл.332. С. 31865 (3673а).

⁷⁶ К сожалению, сборник считается утерянным.

⁷⁷ Мин ши... Т.3. Гл.332. С. 31865 (3673а).

⁷⁸ Синьцзян дифан лиши цзыляо... С. 225.

⁷⁹ Там же. С. 228.

Центральную Азию или в империю Темуридов. В дополнение к описанию своего путешествия, Чэнь составил сборник коротких эссе, описывающих наиболее важные города-государства, которые он посетил во время поездки.

В “Синей фаньгочжи” Чэнь Чэн отразил историческую обстановку в государствах, которые посетил, записал много интересных сведений о рельефе местности, о нравах и обычаях местного населения. В своих записях он уделил определенное внимание политической, экономической и культурной жизни этих государств. Чэнь проехал через Кумул, Турфан, Ташкент, Самарканд до Герата, в связи с чем его сочинения являются важными источниками по истории этих стран начала эпохи Мин. Оба сочинения написаны приблизительно в одно и то же время (1414 – 1415 гг.), в них описан каждый день путешествия. К сожалению, сведения этих дневников очень кратки. Чэнь, прежде всего, пишет о климате, месте разбивки лагеря и расстоянии, которое проходили ежедневно, изредка снабжая свое повествование подробным описанием отдельных деталей, позволяющих читателю увидеть экспедицию глазами автора.

В своих путевых записках Чэнь Чэн не отметил, когда они прошли район Бухары, но в “Мин ши”, в главе 332, описание Бухары стоит последним и в нем дано некое заключение всего описания центральноазиатских государств, в которых побывал Чэнь Чэн во время своего путешествия в Самарканд и Герат: “...В 13-й г. правления Юнлэ [1415 г.] Чэнь Чэн возвратился из Сиюя (Западных стран), [он] прошел Хале (Герат), Самаэрканы (Самарканд), Бешибали (Бешбалык), Аньдухуай, Бадахэйшань (Бадахшан), Далими (Термез), Шалухайя (Шахрухия), Сайлань (Сайрам), Хэши (Шахрисабз), Яньи (Тараз), Хочжоу (Караходжа), Лючэн (Лукчун), Тулуфань (Турфан), Яньцзе, Хами (Кумул), Дашигань (Ташкент), Бухуаэр (Бухара), всего семнадцать государств. Подробно сообщил об их рельефе, обычаях людей (жителей) в “Синий цзи” (Записках о Западных странах), [которые были] преподнесены [императору]. [Это] позволит исследовать древнюю историю Китая”⁸⁰.

27 октября 1414 г. Чэнь Чэн достиг Герата, подробное описание которого в “Синий фаньгочжи” составляет половину его дневника, в другой же половине рассказывается о шестнадцати других городах-государствах, которые он посетил. Герат замыкал список городов-государств Центральной и Юго-Западной Азии, которые посетил и описал Чэнь Чэн. Сообщения Чэнь Чэна относительно других городов и государств, через которые он прошел в своем путешествии, менее детальны. Они состоят просто из ряда зарисовок, содержащих весьма скудную информацию, которая, тем не менее, была очень полезной для торговцев, дипломатов и других должностных лиц. Чэн уделял внимание экономическим моментам и незнакомым обычаям, которые он наблюдал. Нет сомнения, что все эти сообщения были весьма ценны для всех, кто стремился к торговле с центральноазиатскими странами.

⁸⁰ Мин ши... Т.3. Гл.332. С. 31868 (3676а).

Вклад Чэнь Чэна в развитие отношений между Китаем и центральноазиатскими странами трудно переоценить. Экспедиции Чэня были чрезвычайно полезны для Китая. Они представили китайскому правительству весьма ценную информацию об обычаях и экономике государств Центральной Азии, а также, вероятно, сведения стратегического характера.

На наш взгляд, в этот период между Китаем и империей Темуридов установились вполне стабильные взаимоотношения. Одно из доказательств этого – число торгово-посольских миссий, прибывавших в Китай из различных уголков империи Темуридов и из восточно-туркестанских оазисов. Только в течение правления Юнлэ двадцать делегаций из Самарканда и Герата, тридцать два посольства от других центральноазиатских городов и сорок четыре миссии от находящегося к северо-западу от Китая оазиса Кумул⁸¹ прибыли в Китай. Большой вклад в дело развития межгосударственных отношений внесли дипломатические миссии Фу Аня и Чэнь Чэна, неоднократно побывавшие в странах Центральной Азии, что подтверждается материалами китайских источников.

Сочинения Чэнь Чэна долгое время были единственной информацией о центральноазиатском регионе, которой в Китае пользовались и официальные, и частные лица. Важнейшие сведения из его сочинений на протяжении столетий компилировались многими официальными хрониками минского двора. Безусловно, сочинения Чэнь Чэна содержат значительную информацию и об истории Центральной Азии периода правления Амира Темура и его потомков, что требует в дальнейшем более детального их исследования в этом ракурсе.

В **главе четвертой – “Торгово-дипломатические связи Китая и Центральной Азии в период Темура и Темуридов”** исследуются вопросы реального статуса Восточного Туркестана XV–XVI вв. по отношению к минскому Китаю. Глава состоит из трех параграфов – *“Взаимоотношения минского Китая и империи Амира Темура”*, *“Торгово-посольские связи Китая с восточнотуркестанскими оазисами Кумулом и Турфаном в XIV–XVII вв.”* и *“Роль Кумула в торгово-посольских связях Китая и государств Центральной Азии”*.

В **первом параграфе** исследуются вопросы взаимоотношений императоров Мин с Амиром Темуром и его потомками. Следует отметить, что первый император династии Мин не уделял большого внимания отношениям с могущественным центральноазиатским правителем Амиром Темуром. Хотя в китайских источниках есть записи о прибытии нескольких посольств от Темура за последние два десятилетия XIV-го столетия, однако, вероятно, они были представлены не официальными лицами, это были просто центральноазиатские торговцы, представлявшие посланниками Темура для того, чтобы получить доступ к рынку Китая. Эти торговцы знали, что они

⁸¹ Rossabi M. Two Ming envoys to Inner Asia... P. 27.

могли войти в Китай только как официальные посланники, а не как частные граждане⁸².

Ситуация осложнилась после прибытия посольства из Самарканда в октябре 1394 г. с 200 лошадьми и письмом, якобы написанным Темуром. Письмо, расхваливало китайского императора, его превосходящее достоинство и признавало его выдающейся личностью в мире⁸³. Трудно представить, чтобы Темур, стремившийся к мировому господству, написал такое заискивающее официальное письмо. Император Мин, тем не менее, польщенный “подчинением” великого мусульманского завоевателя, отправил посольство в Самарканд. В 1395 г. он послал Фу Аня, Го Чжи, цензора Яо Чэня и евнуха Лю Вэя с 1500 человек выразить благодарность Темуру за лояльность. Письмо китайского императора, в котором тот именовал Темура как “вассала”, разгневало центральноазиатского правителя, и он задержал Фу Аня и его посольство. Темур попытался оказать на них впечатление мощью и богатством своей империи и отправил их в турне по обширной территории от Самарканда до Исфахана⁸⁴. Два года спустя, в 1397 г., китайский двор, обеспокоенный судьбой своих посланников, направил второе посольство во главе со специальным уполномоченным Чэнь Дэвэнем, чтобы навести справки, но он также был задержан Темуром.

Волнения, начавшиеся в Китае после смерти императора Мина в следующем году, временно отвлекли китайское правительство от дальнейших действий в этом направлении. Новый император Китая Юнлэ, взойдя на престол в 1403 г., обеспокоенный тем, что послы, отправленные его отцом к Темуру, все еще не вернулись из Центральной Азии, направил, в свою очередь, посольство, снабдив его 800 верблюдами. Амир Темур вновь задержал китайских посланников. По мнению западных синологов⁸⁵, это преднамеренное оскорбление предвещало и подтверждало грандиозное намерение Амира Темура завоевать Китай и присоединить его к своей империи.

М. Россаби отмечает, что когда Темур начал свой поход на Китай, его сопровождали потомки монгольских ханов, которых он, возможно, планировал возвести на престол как новых правителей Китая⁸⁶. С 1398 г. он готовился к главному нападению против китайцев, посылая солдат в восточном направлении к построенным фортам для обработки земель, чтобы обеспечить свою армию продовольствием в походе⁸⁷. Китайский же двор, по всей видимости, был не в состоянии противостоять угрозе самой мощной военной силы того времени и, фактически, не осознавал всей серьезности возможного вторжения.

⁸² Rossabi M. *Ming China and Turfan*... P. 224.

⁸³ См.: Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана... С. 45.

⁸⁴ Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Source*... P. 145.

⁸⁵ Rossabi M. *Cheng Ho and Timur: Any relation?* // *Oriens Extremus*. December, 1973. Vol.20. #2. P. 132.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

Краткий обзор отношений первых императоров Мин и империи Амира Темура опровергает утверждение тайваньского ученого Сюй Юйху о связи между экспедициями адмирала Чжэн Хэ, отправленного, якобы, на поиски свергнутого императора, и несостоявшимся вторжением Темура в Китай (см. на стр. 15 автореферата). Согласно Сюю, двор не хотел подвергать опасности миссию Чжэна Хэ, и использовал поиск свергнутого императора как удобное прикрытие истинных намерений экспедиции, во всяком случае, император Юнлэ не был заинтересован поисками свергнутого им племянника.

Аргументы Сюя, на первый взгляд, кажутся убедительными. Мины действительно опасались нападений своих северных и западных соседей. Китай, перенесший столетнее правление монголов и четыре столетия нападений на его границы киданей, чжурчжэней и монголов, воспользовался бы любой возможностью получить союзников против потенциальных или фактических врагов с запада. Более тщательное исследование отношений Темура с минским Китаем вызывает серьезные сомнения в обоснованности гипотезы Сюя. Более вероятные объяснения экспедиций Чжэн Хэ лежат в дипломатических и коммерческих интересах минского двора в Юго-Восточной Азии, Южной Индии и других регионах, которые посетил адмирал Чжэн Хэ.

В начале XV века отношения Китая и империи Темуридов начали стабилизироваться. После смерти Амира Темура борьба за престол стала более неотложным делом в империи Темуридов. Борьба за власть между внуком Темура Халил-Султаном и его сыном Шахрухом уменьшила возможность вооруженной конфронтации с китайцами. В 1407 г. Халил-Султан отпустил Фу Аня и семнадцать оставшихся в живых из 1500 китайцев, принимавших участие в первоначальном посольстве к Темуру, обеспечив им сопровождение. Вернувшись в Нанкин ко двору императора Юнлэ, последние сообщили о политической ситуации в империи Темуридов⁸⁸.

С 1408 г. центральноазиатской империей стал управлять четвертый сын Темура Шахрух (1377–1447). Шахрух, став преемником отца, продолжил практику обмена посольствами с Китаем. Возможно поняв, что смерть Темура дает возможность улучшить отношения между двумя странами, император Юнлэ направил посольство с соболезнованиями по поводу смерти Темура. Назначение Байэрцзиньтая, не ханца, главой китайского посольства было еще одним признаком расположения минского двора к развитию взаимоотношений⁸⁹.

В 1413 г. Юнлэ приказал, чтобы несколько посланников направились на Запад с “ответными подарками” и шелком, который необходимо было распределять по пути следования каравана, чтобы заложить основы для будущих хороших отношений с правителями западных от Китая стран⁹⁰. По

⁸⁸ Mills J. V. G. The Overall Survey of the Ocean's Shores'. – Cambridge, 1970. P. 10.

⁸⁹ Синьцзян дифан лиши цзыляо... С. 233.

⁹⁰ Там же... С. 230.

настоянию императора глава делегации должен был обладать определенными дипломатическими способностями, так как предполагалось, что самая важная остановка посольства будет у Шахруха в Герате. Учитывая тон последних писем к Юнлэ правителя Шахруха, квалифицированный дипломат был необходим. Император Юнлэ выбрал для этой миссии опытного государственного служащего по имени Чэнь Чэн, которого сопровождали Ли Сянь, Ли Да и дворцовые евнухи.

Возвращение Чэнь Чэна в Китай с сообщениями относительно народов Центральной Азии несколько продвинуло развитие отношений между Минами и их западными соседями. Следующая экспедиция Чэня была предпринята через год после возвращения его из Герата. Но, в отличие от его первого посольства, нет ни дневника путешествия, ни сообщений относительно городов и государств, которые он посетил в своей второй поездке в Центральную Азию. Темуридские историки, однако, сделали запись о прибытии этого посольства, описав некоторые детали его приема Темуридами. Китайские отчеты просто упоминают об экспедиции Чэня, не сопровождая сообщение особыми примечаниями. Таким образом, персидские сведения более полны и дополняют минские хроники⁹¹.

Об установлении хороших взаимоотношений между Минами и Темуридами свидетельствует то, что обмен посольствами становится более регулярным. В 1416 г. в Герат вновь был отправлен Чэнь, сопровождаемый евнухом Лу Анем. Следующее посольство покинуло Китай 30-го числа 10-го месяца 1418 г. Чэнь Чэн не принимал участия в этой экспедиции, которую возглавил евнух Ли Да.

Гийас-ад Дин Наккаш составил детальный письменный отчет о темуридском посольстве, которое было прибыло в Пекин 14-го числа 12-го месяца 1420 г. и получило прекрасный прием у китайского императора. Члены посольства были приняты императором, сопровождали его на охоте и развлекались на многочисленных приемах.

Приблизительно в то же самое время, когда темуридское посольство, в составе которого был Гийас-ад Дин, оставило Герат и направилось в Пекин, Чэнь Чэн получил распоряжение об очередной поездке в Центральную Азию. 22 июля 1420 г. император Юнлэ приказал Чэню возглавить очередное посольство. Однако, очень мало известно об этой миссии, ни в персидских историях, ни в хрониках Мин нет подробных отчетов о ней. Возможно, что подобные миссии больше не были диковинкой и, в свете нормализовавшихся отношений между Китаем и империей Темуридов, они уже не

⁹¹ Фасих Ахмад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Перевод с перс. Д.Ю. Юсуповой // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. – Т.: Фан, 1988. С. 160-171. Об этом писали и западные исследователи, которые частично перевели персидские источники: Chambers Wiliam. An Account of Embassies and Letters that Passed Between the Emperor of China and Sultan Shahrokh, Son of Amir Timur // The Asiatic Miscellany. – Calcutta, 1785-1786. Vol.I. P. 98-115; Rehatsek E. An Embassy to Khata or China A.D. 1419 // The Indian Antiquary. – 1873. Vol.II. P. 75-83; и др.

вызывали пристального внимания китайских историков. Все, что известно об этом посольстве, это то, что оно достигло Герата, пройдя Самарканд, Бадахшан и другие государства, стимулировав эти страны посылать торговые посольства.

После смерти императора Юнлэ, в 1424 г., минский двор уменьшил и, в конечном счете, прекратил отправку посольств в Центральную Азию, впрочем, как и к чжурчжэням и в Юго-Восточную Азию.

Совершенно очевидно, что первые правители Мин ценили людей, имеющих опыт ведения дел с иностранцами, используя подобных экспертов неоднократно. Вновь и вновь они посылали таких специалистов, как Фу Ань, Ишиху и Чэнь Чэн в Западные страны для установления отношений с государствами Центральной Азии. Благодаря их отчетам, китайский двор был достаточно хорошо информирован не только об обычаях и административной системе государств Центральной Азии. Одной из причин стремления к развитию отношений с центральноазиатскими государствами была потребность китайских императоров в местных изделиях. Конечно, такой взгляд несколько противоречит традиционным китайским заявлениям об экономической самостоятельности, но, тем не менее, логика общечеловеческого развития подтверждает стремление всех народов к развитию взаимоотношений и, прежде всего, в сфере товарообмена.

Значительное влияние на состояние взаимоотношений оказал принцип “данничества”, заявленный Китаем. Здесь необходимо отметить, что само оформление ритуального данничества иноземцев отличалось большой двойственностью, так как китаезычные документы составлялись имперскими чиновниками в полном соответствии с идеей универсальной монархии, а грамоты иноземных послов (или тех, кто за таковых себя выдавал) отражали представления самих иноземцев. Говорить о каких бы то ни было идеологических средствах влияния Китая на зарубежные государства, на наш взгляд, не представляется возможным. О, якобы, верховенстве Срединного государства (т.е. Китая) знали только сами китайцы, что бесполезно во внешней политике, а оглашение таких претензий на внешний мир могло обернуться серьезными неприятностями для Китая. Таким образом, действительность доктрины универсальной монархии и “даннической системы” в отношении внешнего мира больше была желательной для Китая, чем имела место быть на самом деле, поскольку соотношение сил далеко не всегда благоприятствовало притязаниям императорского Китая⁹².

В заключении этой главы отмечается, что взаимоотношения Китая с империей Амира Темура и его преемниками складывались достаточно просто. Тем не менее, несмотря на определенные сложности и противоречия в определении целей и направлений развития этих отношений, состояние их к началу XV века можно охарактеризовать как достаточно стабильное.

⁹² Rossabi M. Two Ming envoys to Inner Asia... P. 28.

Во **втором параграфе** рассматриваются взаимоотношения Китая с восточнотуркестанскими оазисами Кумулом и Турфаном, отражающие характерные черты, присущие традиционной внешнеполитической практике позднесредневекового Китая. Эта практика осуществлялась под несомненным влиянием традиционной китаецентристской идеи универсальной монархии и в рамках доктрины сюзеренитета китайского императора над иноземцами. Эта концепция предлагала определенную сумму обязанностей, так называемых, “вассалов” императора. В их числе: принесение дани раз в три года; приезды иноземных правителей к китайскому двору раз в тридцать лет; строгое соблюдение норм обращения к императору и других многочисленных китайских ритуалов, принятие почетных титулов и рангов; введение в своих странах китайского летоисчисления; соблюдение церемониала приема китайских послов.

Из всех перечисленных аспектов отношений империи Мин с Восточным Туркестаном наиболее актуальным, несомненно, был “даннический”. Что касается сферы сугубо официальных, межгосударственных контактов, то весьма важную роль здесь играли чисто ритуальные, в современном понимании протокольные, по своему характеру, действия и атрибуты.

Кумул был последним оазисом в цепи оазисов Восточного Туркестана по направлению к Китаю. Кумульские правители, как и представители других государств Восточного Туркестана, проявляли интерес к получению титулов, грамот, печатей и прочих китайских регалий. В то же время, их поведение зачастую свидетельствовало об отсутствии пиетета в отношении минского престола. Скорей всего, большинство правителей восточнотуркестанских государств рассматривали получение китайских регалий как ритуал и признание собственного суверенитета⁹³. Китайские же императоры довольствовались признаниями их универсальной власти, пусть даже формальными.

В отличие от кумульских правителей, которые принимали символические титулы, а действовали по своему усмотрению, турфанские правители не шли даже на это. Они требовали признать себя султанами, а, не получив желаемого, обходились без китайских титулов и грамот. Эти инциденты вносили напряженность в отношениях между Турфаном и китайским двором.

Важным аспектом взаимоотношений императорского Китая и Кумула было учреждение в 1406 г. караульного пикета (*вэй*), получившего название Хами-вэй. В китайских источниках созданию караула в Кумуле уделяется большое внимание и преподносится данный исторический факт как величайшее событие. Китайские письменные источники свидетельствуют, что на караул Хами-вэй было возложено несколько задач, среди них: доклады кумульских чиновников правителям династии Мин о состоянии пограничных дел. Одной из главных задач караула Хами-вэй было сопровождение и

⁹³ Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей... С. 38.

охрана посольств, направлявшихся в Китай и обратно, торговцев, буддийских послушников и др., ведь Кумул находился на главной дороге, связывавшей минский Китай с государствами Центральной и Западной Азии. Кумульский караул Хами-вэй занимался оформлением формальностей по пропуску посольств, направлявшихся в Китай. Прежде, чем вручить императорам Минской династии официальные бумаги, их нужно было перевести на китайский язык в Кумуле.

Причин, по которым Турфан хотел завладеть кумульским караулом Хами-вэй, правители которого поддерживали отношения с Минской династией, было несколько, но главная – это контроль над одной из основных дорог, по которой шли торговые караваны с дарами из западных стран в Китай. В 1473 г. Турфан попытался подчинить себе Кумул, надеясь уменьшить влияние Минской династии в этом важном оазисе. Одновременно турфанский султан многократно просил минский двор разрешить ему официально, вместо кумульского правителя, контролировать прохождение караванов с дарами. Это обусловило напряженность во взаимоотношениях Кумула и Турфана. Немаловажной причиной захвата Кумула Турфаном, было стремление последнего расширить свои территории на восток до самых границ Китая.

История борьбы Китая с Турфаном за Кумул делится на три периода. В истории Китая этот период часто называют “*саньли саньцзюэ*” (“три расставания – три разрыва”). В конце концов, Мины были вынуждены отказаться от контроля над Кумулом и упразднить караул Хами-вэй. Среди причин, приведших к упразднению кумульского караула Хами-вэй можно отметить, во-первых, сложную обстановку на границах Минской империи. Это время усиления Яркендского ханства (1514 г.). Кумул и Турфан присоединились к Яркенду в 1516 г. Другой причиной упразднения Хами-вэя было то, что к тому времени он уже был единственным караулом, находившимся в подчинении Минской династии, да и то, практически, формально.

Таким образом, не оправдала себя надежда Китая на систему “взев” как своего рода буфер между Китаем и азиатскими соседями. Под ударами кочевников она рассыпалась, и Китай был вынужден в этой ситуации отдать предпочтение установлению договорных соглашений со своими противниками. Тем не менее, за период своего существования с 1406 г. по 1514 г., кумульский караул Хами-вэй сыграл определенную роль во внешней политике минского Китая.

Материалы династийной истории “Мин ши” и других китайских исторических хроник показывают, что минский Китай стремился строить свои взаимоотношения с северо-западными соседями и центральноазиатскими народами в традиционно китаецентристском духе. Китай эпохи Мин широко применял практику номинального титулования, адресования местным правителям указов с “порицаниями”, “увещеваниями”, которые, как можно

предположить, существенно меняли смысл при переводе с китайского языка на местные языки⁹⁴.

В целом, несмотря на притязания минской империи, Кумул может рассматриваться как вполне самостоятельное государство. Что касается Турфана, то, несмотря на попытки минского двора диктовать свои условия, ему удалось отделить соседний оазис Кумул, расположенный на азиатских торговых маршрутах, от китайского влияния. На примере взаимоотношений Китая с Кумулом и Турфаном можно представить политический статус государств Восточного Туркестана, в целом, как вполне независимый.

В **третьем параграфе** приводятся материалы китайских письменных источников, которые подтверждают исключительность Кумула с точки зрения стратегического значения и географического расположения. Для защиты и контроля сухопутных торговых путей в страны Центральной Азии и далее на запад, а также, в целях установления своего господства в Восточном Туркестане, китайскому императору Мин Тайцзу необходимо было установить контроль в приграничных с Китаем северных территориях. Кумул, будучи последним оазисом в цепи оазисов Восточного Туркестана по направлению к Китаю, “стал ключом к Западным странам”⁹⁵. Борьба за контроль над Кумульским оазисом становится важнейшей задачей минского Китая. Исключительное географическое положение Кумула, плодородие земли и богатство полезными ископаемыми обусловили интерес Минского двора к нему.

В 1380 г. Мины отправили войско для установления контроля над Кумулом, в 1391 г. после длительной борьбы они заняли его. В 1403 г. Чжуди – сын минского императора Тайцзу, совершил переворот и, добившись трона, стал известен как император Юнлэ (Чэнцзу). Новый император династии Мин был сторонником активизации внешней политики Китая. Он изменил осторожное отношение своего отца к Кумулу и по собственной инициативе стал направлять послов в Кумул и в другие районы Восточного Туркестана, а также разрешил временный ввоз лошадей в Китай для торгового обмена.

Правители различных городов Туркестана под видом подношения даров правящей династии Китая, организовывали многочисленные торговые отряды, снабжая их огромным количеством, так называемых “даров”, а на самом деле “товаров”, которые они распродавали по дороге к китайской столице, а затем и в самой столице. В дополнение к “данническим” отношениям существовал и фактический торговый обмен. Незаконная торговля процветала относительно безнаказанно, а от строгих инструкций, изобретаемых двором, многие уклонялись. Если быть точными, то, так называемая, “дань” из За-

⁹⁴ В.П. Васильевым зафиксированы распространенные случаи вольных переводов посольских бумаг на китайский язык с “варварских” языков: титул кашмирского правителя (махараджа) в Китае перевели словом “раб”, “слуга”, т.е. подданный (см.: Васильев В.П. Столкновения Франции с Китаем // Восточное обозрение. – 1884. – №3. С. 1).

⁹⁵ Су Бэйхай. Сиюй дили лиши... С. 364.

падных стран состояла, как правило, из двух составных частей: это обычные в средневековой дипломатической практике подарки (десяток лошадей) и простой товар, привезенный на продажу (остальные лошади).

Изучение сведений китайских исторических материалов выявляет такую закономерность, как постоянное нарушение (считавшихся де-юре) установленных империей Мин сроков принесения “дани”. Если в эпоху Мин установленный срок принесения “дани” равнялся трем годам, то на деле западные послы и торговцы начали привозить ее почти каждый год, так как вместе с “данью” они везли и собственные товары для торгового обмена.

Послы и торговцы, составлявшие торгово-посольские караваны, отправленные под видом подношения даров, занимаясь куплей-продажей, по нескольку лет не возвращались домой. Для преференции стран Туркестана, минский двор позволял их посольствам свободно торговать с населением, не взимая налогов. Проводя политику активизации приездов посольств из этих стран, император Минской династии Юнлэ использовал, таким образом, местную политическую власть этого региона для нейтрализации огромных по масштабу, монгольских сил с севера. Время правления Юнлэ стало вершиной развития торговых отношений Китая с центральноазиатскими странами в эпоху Мин.

Помимо Кумула, который довольно часто присылал посольские караваны к китайскому императорскому двору, послы и торговцы из других стран Туркестана также, почти каждый год прибывали в Китай. В китайских источниках мы находим множество примеров этому. В этот период посольства от Темура побывали в Китае девять раз. За период с 1403 по 1449 гг. в Китай прибыло тридцать три посольские миссии из Самарканда, четырнадцать из Герата⁹⁶ и других городов-государств. М.Кутлуков, ссылаясь на китайские источники, отмечает, что посольства из Самарканда прибывали в Китай в 1430, 1437, 1445, 1446 и в 1449 гг.⁹⁷. За этот же период из Центральной Азии прибыло в Китай 46 посольств.

В связи с увеличением числа посольств Китай столкнулся с определенными трудностями, и китайцы стали ограничивать контакты с другими государствами. Минский двор стал испытывать определенные экономические затруднения в связи с частотой миссий и размерами “дани” из-за границы, так как все это было связано со значительными расходами, которые несло китайское государство для прокорма, охраны и ответных даров. Система “дань – дары”, которая первоначально была выгодна и для иностранцев, и для китайцев, теперь стала обременительна для китайского правительства.

Основной статьей в торговом обмене государств Туркестана с Китаем была торговля лошадьми. Во время военных конфликтов Минской династии

⁹⁶ Буриев О., Колганов А. Об одном участке Великого шелкового пути... С. 107.

⁹⁷ Кутлуков М. К истории экономических, политических и культурных связей народов... С. 350.

с северными монголами и племенами чжурчженей⁹⁸ возникала необходимость в больших количествах лошадей. В этой связи правящая династия поощряла ввоз лошадей в Китай и устраивала нерегулярные, так называемые, “лошадиные” базары в Ганьчжоу, Лянчжоу, Ланьчжоу, Нинся и других районах, масштабы которых увеличивались вплоть до правления Цзяцзин (1522–1566 гг.).

Среди товаров, которые вывозились из Китая послами и торговцами центральноазиатских стран были шелка, фарфоровая и стеклянная посуда, чай, ремень, мускус и другие товары. Исторические хроники эпохи Мин скрупулезно перечисляют китайские товары, которые пользовались спросом у чужеземцев. На некоторые товары, производившиеся в Китае, были наложены запреты и ограничения. Например, на чай. Как пишут китайские источники, “чай является продуктом, запрещенным к вывозу за пределы Китая”⁹⁹. Ограничения на вывоз чая были действенной политической мерой воздействия правящей династии Китая на страны Туркестана. Китайские чиновники считали, что правильная чайная политика может обеспечить контроль над “варварами” лучше, чем десятки тысяч хорошо вооруженных воинов¹⁰⁰.

Когда минский двор в целях экономии и некоторых других политических причин стал постепенно ограничивать частоту приезда посольств и количество людей в них, кумульский караул Хами-вэй контролировал выполнение этих ограничений. В кумульском карауле Хами-вэй осуществлялся основной контроль за соблюдением разного рода ограничений иностранным посольствам, хотя, зачастую, сам Кумул не исполнял специальные ограничительные указы императоров Мин. Торговцы, которым не разрешали пройти в китайскую столицу, оставались в Кумуле, распродавая свой товар на месте. Китайские источники подтверждают значение Кумула, который в эпоху Мин был важнейшей транзитной территорией на пути из центральноазиатских стран в Китай.

Проблемы в дипломатических взаимоотношениях неизбежно приводили к тому, что лошади и другие товары, так необходимые Китаю, не достигали его. Конфликт между Кумулом и Турфаном также удерживал другие, более отдаленные государства и оазисы от отправки “даннических” посольств. Самарканд был одним из немногих, который продолжал посылать своих послов в Китай.

Таким образом, несмотря на непростые отношения Минской династии с государствами Восточного Туркестана и частые конфликты между самими восточнотуркестанскими оазисами, в эпоху Мин установились сравнитель-

⁹⁸ Чжурчжени – название древнего народа, также назывались “нюйчжи”, народ тунгусской группы на северо-востоке Китая. Появились в эпоху Тан от племен “хэшуй мохэ”. Мохэ – это племена на северных границах Китая, основателя Бохайского царства.

⁹⁹ Синьцзян дифа лиши цзыляо... С. 236.

¹⁰⁰ Мартынов А.С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми... С. 234-250.

но стабильные и регулярные торговые отношения, которые способствовали развитию экономических и культурных связей между двумя сторонами и имели большое значение для подъема экономической жизни населения. Поскольку Кумул занимал важное географическое и стратегическое положение, он играл особую роль в восточнотуркестанской политике Минской династии, которая для защиты и контроля сухопутных торговых путей в страны Центральной Азии и далее на запад, пыталась контролировать приграничные с Китаем северо-западные территории.

Надежда Китая использовать систему “взев” (караулов), в частности Хами-вэй, как защиту от своих азиатских соседей не оправдалась. Тем не менее, они сыграли определенную роль во внешней политике минского Китая. Материалы китайских источников о взаимоотношениях Китая с восточнотуркестанскими оазисами Кумулом и Турфаном позволяют сделать вывод о вполне независимом политическом статусе государств Восточного Туркестана.

Что касается взаимоотношений Китая с империей Амира Темура и его потомков, то, в целом, их можно охарактеризовать как достаточно стабильные. Пик торгово-посольских миссий в Центральную Азию и обратно приходится на время правления в Китае императора Юнлэ, затем их интенсивность несколько снижается.

Глава пятая – “Развитие торговых путей в Центральной Азии в XIV–XVII вв.” состоит из четырех параграфов. В этой главе приводятся сведения китайских письменных источников по исторической географии Центральной Азии, а также о транспортных путях Великого шелкового пути, соединявших Китай со странами Запада. В настоящее время, обращаясь к истокам взаимоотношений различных народов, становится особенно актуальной задача возрождения исторического прошлого Великого шелкового пути, способствовавшего не только торговым, но и культурным контактам различных народов. На протяжении всего рассматриваемого периода Китай был связан с западными странами многочисленными караванными дорогами. Это создавало возможности для экономического, политического, культурного взаимодействия между цивилизациями Востока и Запада. Можно предположить, что основной внешнеполитической задачей китайского правительства в западном направлении в рассматриваемый период являлась борьба за контроль над транспортными путями, связывавшими Китай с народами Центральной Азией.

В первом параграфе – “Сведения китайских источников о торговых путях через Кумул” исследуются сведения китайских письменных источников, которые единодушно отмечают стратегическое значение Кумула, находившегося на одной из дорог Великого Шелкового пути. Несмотря на наличие нескольких дорог, ведущих из Китая через земли Восточного Туркестана на запад, одна из дорог Великого шелкового пути, которая шла от северо-западных границ Китая через Кумульский оазис, окруженный пустынями, и

вела в Западные страны, имела исключительное значение, особенно, начиная с эпохи Суй (581–618 гг.).

Во втором параграфе – “*Дорога через Лобнор в материалах китайских источников*” приводятся свидетельства китайских источников о Лобноре, через который также проходила одна из дорог Великого шелкового пути. В китайских исторических материалах мы находим достаточно сведений, подтверждающих значение одного из отрезков Великого шелкового пути, проходившего по побережью озера Лобнор. Действительно, несмотря на наличие нескольких дорог, ведущих из Китая на Запад, отрезок пути через Лобнор играл важную роль (особенно со времени обеих Хань, во времена эпох Суй и Тан, до начала Мин) во взаимоотношениях Китая и государств Центральной Азии.

В параграфе “*Оживление Великого шелкового пути через Иссык-Куль*” подтверждаются сведения китайских письменных источников о том, что еще со времени правления в Китае династии Тан, Иссык-Куль¹⁰¹ был чрезвычайно важным стратегическим пунктом. Располагаясь в сердце Центральной Азии, Иссык-Куль с древности являлся узловым пунктом Великого шелкового пути, ведущего с Востока на Запад, к западу от него находился известный в регионе стратегический центр Суяб (Суйе), с юго-востока от него – Гуйцы (Куча, Кучэ), а с Аньси духуфу (наместничество) на востоке, можно было дойти до плодородной долины Или.

Исследуя многочисленные исторические факты и географические особенности региона, можно утверждать, что дорога через Бадалин на северо-западе Уч-Турфана (Уши) и по южному берегу Иссык-Куля – это стратегически важная военная дорога и дорога Великого шелкового пути, ведущая из Китая в Центральную Азию, которая активно использовалась во времена Тан и Мин. Позже, во время Цин, путешественники также пользовались дорогой через хребет Музарт, но только летом и осенью.

В четвертом параграфе “*Суяб и Талас – важные стратегические пункты на Великом шелковом пути*” исследуются данные китайских источников о Суябе и Таласе.

Город Суяб (Суйе), через который проходила Северная дорога Великого шелкового пути, активно действовавшая в VI–IX вв. и сохранившая свое значение вплоть до XV в., по материалам китайских источников был еще и крупным центром шелковой индустрии Центральной Азии, в котором скапливались товары и затем распределялись по региону. Значение этой дороги особенно возросло после блокировки Южной дороги на Фергану тибетцами

¹⁰¹ Это озеро находилось южнее реки Или, в котловине между Тяньшаньскими хребтами. С востока на запад длина 182 км, с юга на север – самое широкое место – около 60 км, общая площадь 6200 кв. км. Название Иссык-Куль (Жэхай) на древнетюркском – Исайкэуэр, Исыхээр – означает “переполненный”. В “Хань шу” в разделе “Чэнь Тан чжуань” (“Повествования о Чэнь Тане”) называется Тяньчи, в эпоху Тан в “Да Тан Сиюй цзи” Сюань Цзана – Дацинчи, но большинство китайских источников называет озеро – Жэхай (Иссык-Куль, Горячее озеро).

(туфьями) и Даши. О значении Суяба как центра сбора отправлявшихся на Запад и прибывавших с Востока торговцев свидетельствуют данные о том, что в Суябе были введены в оборот деньги на тюркском и китайском языках. Такого рода деньги (*хоби*) были недавно обнаружены археологами на северном побережье Иссык-Куля¹⁰². Кроме шелка, через Суяб проходило большое количество лошадей, которые везли торгово-посольские караваны китайским императорам.

Сведения о Таласе относятся к периоду, когда во время Суй оживились связи между центральноазиатскими и внутренними районами Китая. Между Суябом и Таласом находился район, густо населенный и богатый, с удобным сообщением, множеством городов, обширными угодьями. Бассейн р.Талас был пригоден для пашни и скотоводства. Исторически сложилось так, что пришедшие с севера кочевые народы развивали здесь скотоводство, а народы, занимавшиеся земледелием в бассейне рек, отвоевывали плодородные земли для развития земледелия. После разделения западных тюрок в 638 г., политический центр из Цяньцюани перенесли в Суяб, бассейн же Таласа был в это время районом обитания кочевых скотоводческих племен. В начале XV в. бассейн р.Талас был долгое время линией борьбы двух правителей: Темура и Чагатая. Темуру для продвижения на восток, в Китай необходимо было подчинить себе стратегический пункт монголов.

Сегодня вполне очевидно, что каждый из более-менее значительных торговых центров, расположенных на трассах Великого шелкового пути, был посредником не только при передвижении товаров с Востока на Запад или обратно, но и в коммуникации многочисленных народов, живших по разные стороны этой транс-евразийской магистрали.

Таким образом, можно констатировать, что с самого начала функционирования Великий шелковый путь стал мощным инструментом экономической и культурной интеграции народов. Невзирая на сложные политические взаимоотношения ведущих средневековых государственных образований, вдоль этой оси транс-евразийских связей осуществлялось многогранное торговое и культурное взаимодействие цивилизаций Запада и Востока, что подтверждают материалы китайских письменных источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования сделаны следующие **основные выводы:**

1. Анализ материалов китайских письменных источников показывает, что проблема истории взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. до настоящего времени не получила всестороннего должного освещения в исторической науке, а те её аспекты, которые затрагивались отдельными авторами, требуют переосмысления или уточнения в

¹⁰² Цит. по: Су Бэйхай. Сиюй лиши дили... С. 256.

свете новых методологических и общецивилизационных подходов. В связи с чем назрела необходимость расширения источниковедческой базы, введения в научный оборот материалов ранее недоступных нам китайских источников и новых зарубежных исследований по истории взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии периода правления Темура и Темуридов.

2. Начало правления в Китае династии Мин (1368 г.) было связано с необходимостью решения сразу нескольких важных задач как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера, среди которых – восстановление разоренного хозяйства, предотвращение вторжений извне, укрепление власти внутри страны, повышение международного престижа новой империи.

Мин Тайцзу, первый император династии Мин, в отличие от монгольских правителей и сражавшихся с ними прочих повстанческих вождей, пренебрегавших образованными конфуцианцами, привлек на службу талантливых военных и гражданских администраторов, которые сумели организовать армию, восстановили основы государственного управления, в первую очередь, систему экзаменов для тех, кто хотел занять чиновничьи должности.

В результате определенных усилий государству удалось достичь успехов в различных областях хозяйства, оживились торговля и ремесло. В качестве государственной идеологии было восстановлено конфуцианство, возродился бюрократический аппарат, была реформирована экзаменационная система, проведена реорганизация армии.

Расширение сферы влияния первого императора Мин Тайцзу осложнялось угрозой со стороны свергнутых Юаней и, вплоть до конца XIV века, основные военные силы минского правительства были сосредоточены на северо-западных рубежах государства.

Осознание того, что поддержание официальных отношений с иноземными странами способствовало повышению международного престижа империи, а также получению дополнительных доходов в казну от международной торговли, способствовало тому, что минский двор выступил инициатором установления и расширения торгово-посольских отношений с Западными странами или Западным краем, в первую очередь, это были восточнотуркестанские государства-оазисы, а затем и более отдаленные от Китая области Центральной Азии.

3. Экономические взаимоотношения Китая с соседними кочевыми племенами зависели как от внутренних, так и внешних, по большей части военно-стратегических, интересов китайской империи. Китайские источники подтверждают, что даже места торговых обменов и партнеров выбирались по политическим соображениям. В частности, китайское правительство предпочитало обменивать чай, являвшийся в то время стратегическим товаром, на лошадей не с монгольскими племенами, у которых лошади были лучше, а с тибетскими, исходя из того, что последние были менее воинственны.

Для более рационального и эффективного ведения торгового обмена чая на кочевых лошадях, а также для усиления государственного контроля за оборотом чая, было воссоздано Ведомство по торговле чаем и лошадьми (Чамасы), которое, несмотря на различные трудности, просуществовало вплоть до XVIII в. и сыграло существенную роль в развитии торговли.

Характерной особенностью торговых взаимоотношений Китая с иностранцами в этот период было неприятие торговли в чистом виде и стремление минского правительства к установлению “даннических” (с точки зрения официального Китая) отношений с другими государствами.

4. Большой вклад в развитие взаимоотношений Минского Китая и империи Амира Темура и Темуридов внесли посольства и дипломатические миссии, которыми обменивались эти государства, а также отдельные чиновники, возглавлявшие посольства и оставившие описания своих путешествий в Центральную Азию. Эти описания не только свидетельствуют о наличии достаточно широких связей между Китаем и государствами региона в XIV–XVII вв., но и содержат значительный материал о государственных образованиях, о народах Центральной Азии, их обычаях, культуре и т.д.

Одним из важных китайских письменных источников этого периода является сборник стихов “Сиюй шэньланьши” (“Стихи о диковинных вещах, увиденных в путешествии в Западные страны”) китайского посланника Фу Аня, который содержит богатейший материал по исторической географии, экономике и культуре стран Центральной Азии, а именно, империи Амира Темура, где ему пришлось задержаться на целых двенадцать лет. Материалы китайских источников подтверждают, что Фу Ань неоднократно побывал в странах Центральной Азии с дипломатическими миссиями и, в общей сложности, провел в этих путешествиях более двадцати лет.

Тщательное исследование вышеназванного источника позволит внести определенный вклад в изучение средневековой истории народов Центральной Азии.

5. Трудно переоценить и вклад другого китайского дипломата Чэнь Чэна в развитие межгосударственных отношений между Китаем и центральноазиатскими странами. Экспедиции Чэня были чрезвычайно полезны для Китая тем, что они предоставили китайскому правительству весьма ценную информацию об обычаях и экономике государств Центральной Азии, а также, вероятно, и сведения стратегического характера.

Сочинения Чэнь Чэна долгое время были единственной информацией о центральноазиатском регионе, которой в Китае пользовались и официальные, и частные лица. Важнейшие сведения из его сочинений на протяжении веков компилировались многими официальными хрониками императорского двора.

Глубокое изучение сочинений Чэнь Чэна даст возможность пополнить новыми материалами историю Центральной Азии периода правления Амира Темура и Темуридов, что связано, прежде всего, с тем, что они содержат

многочисленные факты, представляющие историческую и культурную ценность для исследователей истории и культуры Центральной Азии.

6. Взаимоотношения Китая с империей Амира Темура первоначально были осложнены попытками минского двора установить с государствами Центральной Азии своего рода вассальные отношения в соответствии с традиционным китайским представлением о мироустройстве, характеризующимся китаецентристскими идеями, а также положениями об исключительной власти китайского императора, что вызвало отрицательную реакцию со стороны Амира Темура. Фактически каждый актер строил эти отношения в соответствии с собственными взглядами на мироустройство и с точки зрения собственной выгоды. Надо отметить, что оформление ритуального данничества отличалось большой двойственностью, так как китаезычные документы составлялись китайскими чиновниками в полном соответствии с идеей универсальной монархии, а грамоты иноземных послов (или тех, кто за таковых себя выдавал), соответственно, отражали представления самих иноземцев, поэтому смысл документов, составленных китайскими чиновниками, при переводе с китайского на местные языки, и наоборот, существенно менялся.

При преемниках Амира Темура отношения значительно стабилизировались, что выразилось в увеличении числа посольств из различных уголков империи Темуридов. Во время правления императора Юнлэ Китай посетили двадцать делегаций из Самарканда и Герата, тридцать два посольства от других центральноазиатских городов и сорок четыре миссии от лежащего к северо-западу от Китая оазиса Кумула¹⁰³.

7. Династийная хроника “Мин ши”, историко-географическое описание Кумула “Хами чжи” и материалы других китайских исторических хроник свидетельствуют о том, что восточнотуркестанские оазисы Кумул и Турфан всегда находились в сфере интересов Китая, что его взаимоотношения с ними, также, как и с центральноазиатскими народами, строились в традиционно китаецентристском духе. Китай эпохи Мин широко применял практику номинального титулования, адресования местным правителям формальных указов с “порицаниями” и “увещеваниями”. В сфере межгосударственных контактов важное значение приобретали чисто ритуальные, по своему характеру, действия и атрибуты.

8. Кумул играл большую роль в торгово-посольских связях Китая и Центральной Азии в период Амира Темура и Темуридов, являясь важным пунктом Великого шелкового пути в эпоху Мин. Здесь был создан караул Хами-вэй, который за период своего существования с 1406 г. по 1514 г., сыграл роль своего рода буферной зоны между Китаем и центральноазиатскими соседями. Здесь не только осуществлялся сбор информации о делах на границах с соседними государствами, но и проводилась объемная работа

¹⁰³ Rossabi M. Two Ming envoys to Inner Asia... P. 27.

по пропуску огромного числа торгово-посольских караванов в Китай и обратно; по переводу официальных бумаг на китайский язык; по контролю за ограничениями при прохождении границы людей и товаров. Кумул, как важнейшая транзитная территория на пути из Центральной Азии, имел важное стратегическое значение для Китая. Однако, впоследствии (в 1514 г.) Турфану, несмотря на то, что минский двор пытался диктовать свои условия и ему, удалось отделить соседний оазис Кумул от китайского влияния.

Исследование взаимоотношений Китая с Кумулом и Турфаном на базе китайских источников показывает, что политический статус государств Центральной Азии, а именно, Восточного Туркестана, в целом, может оцениваться как вполне независимый.

9. Среди многочисленных даров и товаров, привозившихся центрально-азиатскими караванами в Китай, выделялись домашние животные, в первую очередь, лошади, верблюды и овцы. В Китае также высоко ценились шкурки диких животных (соболя, горностая и др.), редкие для Китая животные (львы, леопарды, тигры и слоны), которых привозили из отдаленных уголков Центральной Азии. Помимо этого, караваны везли дорогие лекарственные растения и материалы, драгоценные и полудрагоценные камни для ювелирных изделий (нефрит, яшму, алмазы, агаты, кораллы и др.), а также традиционную продукцию ручного производства: булатные мечи, различные ножи, седла и др. В обратный путь центральноазиатские торговцы увозили китайский шелк, фарфоровую и стеклянную посуду и, особенно, чай.

10. Значение каждого из более-менее крупных торговых центров, расположенных на дорогах Великого шелкового пути, заключалось не только в том, что они являлись посредниками при передвижении товаров с Востока на Запад и обратно, но и способствовали установлению связей между многочисленными народами, жившими по разные стороны этой трансевразийской магистрали. Столетие за столетием, до начала политической деструкции, вызванной монгольскими завоеваниями, сохранялся дух диалога, способствовавший реализации мирного варианта развития человеческой цивилизации. Особо следует отметить поток религиозных и философских воззрений, транслировавшихся дорогами Великого шелкового пути.

Можно констатировать, что Великий шелковый путь, связывавший Китай, Центральную Азию и, далее, Европу, стал мощным инструментом экономической и культурной интеграции различных народов. Невзирая на сложные политические взаимоотношения ведущих средневековых государственных образований, вокруг этой оси трансевразийских связей осуществлялось многогранное торговое и культурное взаимодействие цивилизаций Запада и Востока.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Каримова Н.Э. Взаимоотношения народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. (по материалам китайских источников). Монография. – Т.: ТашГИВ, 2005. – 188 с.
2. Каримова Н.Э. Темурийлар билан Хитой алоқалари (Хитой манбалари бўйича) // Шарқшунослик (ФАШИ). – 1996. – №7. – С. 44-59.
3. Каримова Н.Э. Хитой элчиси Чэн Чэннинг Самарқанд сафарига оид маълумотлар // Шарқшунослик (ФАШИ). – 2000. – №10. – С. 98-108.
4. Каримова Н.Э. Центральная Азия и Китай в эпоху Мин. Из истории торгово-посольских связей (по материалам китайских источников) // Востоковедение (ТашГИВ). – 2001. – №1. – С. 90-94.
5. Каримова Н.Э. Великий шелковый путь. Дорога через Лобнор // Маяк Востока. – 2001. – №1-2. – С. 19-22.
6. Каримова Н.Э. Чэн Чэнг манбаларида Марказий Осиё шаҳарлари // Шарқшунослик (ФАШИ). – 2002. – №11. – С. 66-73.
7. Каримова Н.Э. Чэн Чэнг – Марказий Осиё бўйича тадқиқотчи // Шарқшунослик (ТДШИ). – 2002. – №1. – С. 93-96.
8. Каримова Н.Э. “Хами чжи” Чжун Фана – источник по истории Кумула эпохи Мин // Востоковедение (ТашГИВ). – 2002. – №1. – С. 78-83.
9. Каримова Н.Э. Историко-географические описания “дифан чжи” – источники по истории Синьцзяна // Востоковедение (ТашГИВ). – 2002. – №2. – С. 54-57.
10. Каримова Н.Э. К характеристике городов Средней Азии XV в. по китайским источникам // Общественные науки в Узбекистане. – 2004. – №2-3. – С. 105-111.
11. Каримова Н.Э. “Мин ши” (“История династии Мин”) – источник по истории Центральной Азии XIV-XVII вв. // Востоковедение (ТашГИВ). – 2004. – №2. – С. 133-141.
12. Каримова Н.Э. Древние народы Центральной Азии (по материалам китайских источников) // Казахстан-Спектр (Алматы). – 2000. – №2 (12). – С. 109-119.
13. Каримова Н.Э. Древние народы Центральной Азии. Из истории сарикуйгуров (по материалам китайских источников) // Вестник КазГУ. Серия востоковедения. – 2001. – №3 (17). – С. 9-14.
14. Каримова Н.Э. Древние народы Центральной Азии. Сарик-уйгуры в эпоху Мин (по материалам китайских источников) // Вестник КазГУ. Серия востоковедения. – 2001. – №3 (17). – С. 14-19.
15. Каримова Н.Э. Чэнь Чэн – дипломат, путешественник, писатель (из истории посольских связей Китая и Центральной Азии) // Вестник КазГУ.

- Серия международные отношения и межд. право. – 2001. – №2 (6). – С. 38-44.
16. Каримова Н.Э. Китайские источники о Шахрисабзе (XIV-XV вв.) // Тезисы международной научной конференции “Шаһрисабз шаһрининг жаһон тарихида тутган ўрни”. – Т.: Фан, 2002. – С. 36-37.
 17. Каримова Н.Э. Чэнь Чэн и его путешествия в Центральную Азию // Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. – 2002. – №2 (19). – С. 79 -80.
 18. Karimova N. Chen Cheng's Travels to Samarkand (the XV-th century) // International Journal of Central Asian Studies (Seoul, Korea). – 2003. Vol.8. – С. 105-113.
 19. Каримова Н.Э. Центральная Азия и Китай в XIV-XVII веках (из истории торговых взаимоотношений) // Shygys (Алматы). – 2004. – №1. – С. 40-52.
 20. Каримова Н.Э., Байтанаев Б.А. Казахстан в сочинениях китайского дипломата и путешественника Чэнь Чэна // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практич. конференции “Маргулановские чтения – 15”. – Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2004. – С. 227-232. (в соавт. с Б.А. Байтанаевым).
 21. Каримова Н.Э. Сайрам в сочинениях известного китайского путешественника Чэнь Чэна // Известия НАН РК. Серия общественных наук (Алматы). – 2004. – №4 (245). – С. 3-7.
 22. Каримова Н.Э. Путешествия Фу Аня в Самарканд // Актуальные вопросы китаеведения. Материалы международного семинара- конференции. – Т.: ТашГИВ, 2004. – С. 64-73.
 23. Каримова Н.Э. Центральная Азия и Китай в XV веке (из истории взаимоотношений) // Хитойшуносликнинг долзарб муаммолари (Актуальные вопросы китаеведения). – Т.: ТашГИВ, 2005. – С. 34-44.
 24. Каримова Н.Э. Китай эпохи Мин и его взаимоотношения с восточно-туркестанскими оазисами Кумулом и Турфаном // Shygys (Алматы). – 2005. – №1. – С. 34-42.

РЕЗЮМЕ

диссертации Каримовой Натальи Эрмановны на тему “Взаимоотношения народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. (по материалам китайских источников)” на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям 07.00.03. – Всеобщая история / 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Ключевые слова: Взаимоотношения Центральной Азии и Китая, XIV–XVII вв., династия Мин, Амир Темур, Темуриды, китайские источники и литература, источниковедение, международные отношения, политико-экономические отношения, китайские миссии, миссия Фу Аня, миссия Чэнь Чэна, торгово-посольские связи, Восточный Туркестан, Кумул, Турфан, торговые пути, Лобнор, Иссык-Куль, Суяб, Талас, Великий шелковый путь.

Объекты исследования: Взаимоотношения народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв. по материалам китайских источников.

Цель работы: Осуществить комплексный анализ взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая в XIV–XVII вв.; изучить, систематизировать, анализировать и ввести в научный оборот сведения китайских источников по различным аспектам взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая периода правления Амира Темура и его потомков.

Метод исследования: сравнительно-сопоставительный, объективно-исторический, системно-структурный и логический. Также применен комплексный критический анализ письменных источников, при котором учитывается конкретная историческая и политическая ситуация в исследуемом регионе.

Полученные результаты и их новизна: Осуществлено всестороннее изучение внутривнутриполитических и внешнеполитических аспектов взаимоотношений Китая и народов Центральной Азии в XIV–XVII вв.; изучены и систематизированы сведения китайских письменных источников по истории взаимоотношений минского Китая и империи Амира Темура и Темуридов; введены в научный оборот сведения из сочинений Чэнь Чэна и других китайских письменных источников по исторической географии Центральной Азии; изучены и снабжены научным комментарием малоизвестные сведения китайских источников о торгово-посольских связях государств Центральной Азии и Китая в исследуемый период; выявлены и исследованы материалы китайских источников о торговых путях Центральной Азии в исследуемый период.

Определены новые подходы к исследованию взаимоотношений народов Центральной Азии и Китая; выявлены достоверные, а также ошибочные сведения по некоторым аспектам взаимоотношений. Проведен сопоставительный анализ материалов китайских источников и англоязычной литературы.

Практическая значимость: Материалы диссертации значительно расширяют источниковедческую базу Китаеведения Узбекистана. Результаты ра-

боты могут послужить материалом для дальнейших исследований по истории взаимоотношений Центральной Азии и Китая, а также по истории политики Китая в Центральной Азии.

Степень внедрения и экономическая эффективность: По теме исследования опубликованы 1 монография и 23 научные статьи.

Область применения: Материалы диссертации могут быть использованы при составлении учебных пособий, написании новой многотомной истории Узбекистана и при чтении спецкурсов по истории и источниковедению соответствующих ВУЗов. Выводы исследования могут быть полезны для политологов при разработке новых концепций в сфере взаимоотношений государств Центральной Азии и Китая.

Тарих фанлари доктори илмий даражасига талабгор Каримова Наталья Эрмановнанинг 07.00.03 – Умумий тарих / 07.00.09 – Тарихнавислик, манбашунослик ва тарихий тадқиқот усуллари ихтисосликлари бўйича “XIV–XVII асрларда Марказий Осиё ва Хитой халқлари муносабатлари (хитой манбалари асосида)” мавзусидаги диссертациясининг РЕЗЮМЕСИ

Таянч (энг муҳим) сўзлар: Марказий Осиё ва Хитой муносабатлари, XIV–XVII асрлар, Мин династияси, Амир Темур, Темурийлар, хитой манбалари ва адабиёти, манбашунослик, халқаро муносабатлар, сиёсий-иқтисодий алоқалар, хитой миссиялари, Фу Ан миссияси, Чэн Чэнг миссияси, савдо-элчилик алоқалари, Шарқий Туркистон, Кумул, Турфон, савдо йўллари, Лобнор, Иссиқ-Кўл, Суйоб, Талас, Буюк ипак йўли.

Тадқиқот объектлари: Хитой манбалари асосида XIV–XVII асрларда Марказий Осиё ва Хитой халқлари муносабатлари.

Ишнинг мақсади: XIV–XVII асрларда Марказий Осиё ва Хитой халқлари муносабатларини комплекс таҳлил этиш; Марказий Осиё ва Хитой халқларининг Амир Темур ва унинг авлодлари давридаги муносабатларининг турли аспектларини хитой манбалари асосида таҳлил қилиб, системага солиш ва илмий муомалага киритиш.

Тадқиқот усули: қиёсий-таҳлилий, объектив-тарихий, тизимли структуравий ва мантикий. Шунингдек, ёзма манбаларнинг комплекс танқидий таҳлили қўлланганки, бунда ўрганилаётган минтақадаги муайян тарихий ва сиёсий вазият ҳисобга олинади.

Олинган натижалар ва уларнинг янгилиги: XIV–XVII асрларда Марказий Осиё ва Хитой халқлари муносабатларининг ички ва ташқи сиёсий аспектлари ҳар томонлама ўрганилди; мин Хитойи, Амир Темур ва Темурийлар давридаги муносабатларнинг тарихи ёзма хитой манбалари асосида тадқиқ этилди ва системалаштирилди; Марказий Осиёнинг тарихий географияси бўйича Чэн Чэнгнинг баёнлари ва бошқа хитой ёзма манбаларидаги

маълумотлар илмий муомалага киритилди; ўрганилаётган давр бўйича Марказий Осиё ва Хитой давлатларининг савдо ва элчилик муносабатлари кам ўрганилган хитой манбаларининг маълумотлари асосида тадқиқ этилди ва тўлдирилди; мазкур давр бўйича хитой манбаларидаги Марказий Осиёдан ўтган савдо йўллари ҳақидаги маълумотлар тўпланди ва таҳлил этилди.

Марказий Осиё ва Хитой халқлари муносабатларини ўрганишнинг янги ёндошувлари аниқланди; муносабатларнинг айрим аспекти бўйича мавжуд адабиётда ўрнашиб қолган ноаниқ ва хато маълумотлар кўрсатиб берилди. Хитой манбалари ва инглиз тилидаги илмий адабиётлардаги маълумотлар қиёсий таҳлил этилди.

Амалий аҳамияти: Диссертация материаллари Ўзбекистон хитойшунослигининг базасини анча кенгайтиради. Ишнинг натижалари Марказий Осиё ва Хитой муносабатлари тарихига ва Хитойнинг Марказий Осиёдаги сиёсати тарихига оид кейинги тадқиқотлар учун материал сифатида хизмат қилиши мумкин.

Татбиқ этиш даражаси ва иқтисодий самарадорлиги: Диссертация мавзуси бўйича 1-та монография ва 23-та мақола нашр этилган.

Қўлланиш (фойдаланиш) соҳаси: Диссертация натижалари олий ўқув юртларининг тегишли факультетлари учун тарих ва манбашунослик бўйича ўқув қўлланмалари яратиш, кўп жилдли янги Ўзбекистон тарихини ёзиш, махсус курслар ўқиш ишларида жалб этилиши мумкин. Тадқиқот натижалари сиёсатшунослар учун Марказий Осиё ва Хитой муносабатлари бўйича янги концепциялар ишлаб чиқиш учун асқотиши мумкин.

RESUME

Thesis of Karimova Natalya Ermanovna on the scientific degree competition of the doctor of sciences in 07.00.03 – General history / 07.00.09. – Historiography, a source study and methods of historical research specialities
subject: “The Relations between the people of Central Asia and China in the XIVth –XVIIth centuries” (based on the Chinese sources).

Key words: The Relations between Central Asia and China; XIVth – XVIIth centuries; Ming Dynasty; Amir Temur; Temurids; Chinese sources and literature; source study; international relations; political-economic relations; Chinese missions; Fu An’s mission; Chen Cheng’s mission; trade-and-ambassadorial relations; Eastern Turkistan; Kumul; Turfang; trade routes; Lobnor; Issyk-Qul; Suyab; Talas; Great Silk Road.

Subjects of the inquiry: The Relations between Central Asia and China in XIVth –XVIIth centuries, based on the Chinese sources.

Aim of the inquiry: To carry out a comprehensive analysis of the relations between Central Asia and China in XIVth – XVIIth centuries; to study, to systematize; to analyze and to put into scientific use the information of Chinese sources

and literature on different aspects of the relations between China and Central Asia at the time of Temur and his descendants.

Method of inquiry: comparative, impartial, historical, systematical, logical. Comprehensive critical analysis of written sources is used taking into account the concrete historical and political situation in the explored region.

The results achieved and their novelty: Detailed study of the internal and external political aspects of relations between China and Central Asia in XIVth – XVIIth was carried out; information of Chinese sources on History of relations between Ming China and Temurid's Empire were studied and systematized; the information from writings of Chen Cheng and other Chinese sources on historical geography of Central Asia was put into scientific use; little known information from the Chinese sources regarding the trade – and – ambassadorial contacts between Central Asia and China in the abovementioned period was studied and accompanied with scientific comments; Chinese materials concerning trade routes in Central Asia in the abovementioned period were revealed and examined.

New approaches towards research of the relations between the people of Central Asia and China were determined; authentic and erroneous information on some aspects of such relations were revealed. Comparative analysis of Chinese sources and English materials was done.

Practical value: The materials of dissertation would greatly extend source study resources of Sinology in Uzbekistan. The results of this work can be utilized as materials for further research on the history of relations between China and Central Asia, as well as for study the policy of China towards Central Asia.

Degree of embed and economic effectivity: The main ideas of the dissertation were reflected in the 1 monograph and 23 scientific articles.

Sphere of usage: The materials of dissertation can be used for compiling the manuals, for writing the new history of Uzbekistan and for lecturing in the history and source study at the appropriate Institutions. The statements and conclusions of the dissertation might be useful for political scientists in the process of creation the new concepts in a sphere of relations between Central Asia and China.

СОИСКАТЕЛЬ

КАРИМОВА Н.Э.

Босишга рухсат этилди 06.03.2006.

Бичими 60x84 ¹/₁₆. Шартли 3,0 б.т. 100 нусхада босилди. Буюртма № ____

Тошкент Давлат шарқшунослик институтининг кичик босмахонаси.

Тошкент, Шаҳрисабз кўчаси, 25.